Князь моих запретных снов

Автор:
Оливия Штерн

Князь моих запретных снов

Оливия Штерн

Колдовские миры

Я – сноходец. Моя цель – спасать тех, кто угодил в Долину Сна, полную смертоносных чар, ловушек и хищных тварей. И я совсем не ожидала встретить там мага, который станет моей первой любовью. Но кто он? Как оказался в Долине и стал ее пленником? Почему ведет опасную игру, которая может стоить жизни нам обоим?

Все это предстоит выяснить. Главное – не угодить в умело подготовленную западню и избежать тех опасностей, которыми, словно паутиной, опутан старый замок ордена сноходцев.

Оливия Штерн

Князь моих запретных снов

…По Дороге сна – мимо мира людей; что нам до Адама и Евы,

Что нам до того, как живет земля?

Хелависа. «Дорога сна»

© Штерн О., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Хлопнула дверь, моментально разрезав солнечное утро на половинки. Одна из них, яркая, умытая вчерашним дождем, цветущая васильками и крупными бордовыми мальвами, мгновенно исчезла. Мне же досталась другая: душная, кислая, пропахшая помоями и навозом, наполненная мычанием, шуршанием соломы, сопением и хрюканьем.

В амбаре не было темно. Сквозь маленькое окошко, затянутое пузырем, сочился мутный желтоватый свет, но все равно в душе шевельнулось беспокойство, глупое и беспричинное. Прихрамывая, я дотащила ведро с помоями до загородки, вывернула его в корыто и поспешила к выходу. Дел впереди еще много. Очень. И никто их, кроме меня, не сделает.

А потом я вдруг подумала, что, входя в амбар, специально подперла дверь жердью, и закрыться она никак не могла.

Толкнула дверь – та не шевельнулась. Навалилась всем телом – безрезультатно. Если я и подпирала ее, чтоб не захлопнулась, то кто-то постарался подпереть с другой стороны, чтоб я уже не открыла.

Дэвлин! Хоршев сыночек своей мамочки! Теперь, когда он меня запер, я не успею натаскать воды, за что вполне ожидаемо получу оплеуху. И охота ж ему была вставать в такую рань, чтобы мне насолить?

Я отставила ведро, опустилась на колени перед дверью. Сарафан запачкался, но было уже не до него. Я припала лицом к шершавым доскам, попыталась сквозь щель рассмотреть, чем там застопорили дверь. По ту сторону темнело что-то большое, не меньше, чем полено. Ах ты паршивец!

И, понимая, что хозяйских оплеух теперь точно не избежать, я уселась прямо на землю. Все, что оставалось, – ждать, пока матушка Тирия изволит самолично заглянуть в амбар, обеспокоившись отсутствием завтрака на столе.

Я подтянула колени к груди, оперлась спиной о доски. От нечего делать расправила пострадавший подол сарафана. Потом сняла башмаки и принялась рассматривать мозоли на мизинцах, которые так надоедливо болели последнее время.

Ступни у меня маленькие и узкие, но сбиты в кровь. И мозоли противные. А у матушки и у Милки ступни розовые, мягкие, они даже покупали специальную мазь в баночках и ей ноги натирали. Меня и гоняли тогда за ней к торговцу. Мазь приятно пахла, розами. Мне тогда досталось… понюхать, что задержалось на донышке. Тонкий-тонкий прозрачный слой. Я собрала мазь и натерла ей руки, потому что потрескались и болели. Матушка унюхала и заставила трижды перемыть полы в доме, чтоб я на чужое не заглядывалась. А Дэвлин ходил следом и ржал как конь. Мила, правда, не ржала, зато нарочно на свежевымытые полы накрошила хлеба, и мне снова досталось.

Я сидела на земле и размышляла. Это всегда так: когда ничего не делаешь, в голову лезут самые разные мысли. Какие? Например, о том, как я могла бы жить, если бы матушка Тирия была моей родной матерью. Или о том, куда делись мои настоящие родители и почему меня оставили на крыльце этого дома. Я всегда представляла себе свою маму очень красивой, утонченной. Печальной принцессой, которую заперли в самой высокой башне мрачного замка. И, конечно же, она умела читать и писать, и обязательно была очень доброй. А почему она меня бросила? Ну, вдруг меня украли ее враги? О том, что моя родная матушка жива и выбросила меня, потому что не нуждалась в дочке, думать не хотелось.

Потом мысли вернулись к Дэвлину. Он был очень похож на матушку Тирию, рыхлый, рыжий и в веснушках. Когда мы были совсем еще детьми, он вел себя терпимо. Но почему-то когда стали подрастать, нрав у него сделался просто отвратительным. Он был старше на четыре года, и я в двенадцать лет не совсем поняла, зачем он прижал меня к стене всем своим рыхлым телом. А потом, когда полез целоваться, укусила за щеку. Сильно, до крови.

Тогда… меня наказали. А после того случая все, что делал Дэвлин, – это пакости. Разные, всякие, маленькие и не очень. Вот примерно как сейчас. Зачем он меня

запер?

Шесть лет прошло уже с того случая. Злопамятный засранец.

За дверью что-то зашуршало, и меня словно пружиной подбросило. Развернувшись, я снова припала к щели. Снаружи была видна чья-то серая юбка, длинная. Юбка колыхалась, я увидела сжатую в кулак руку. Молодую руку.

– Мила! – позвала я. – Это ты? Выпусти!

Молчание. Я не понимала почему. Уж Миле-то не за что на меня злиться. Незачем.

– Мила?

Меня затрясло. Почему она молчит? Что они там задумали?

– Ильса, – наконец сказала она и присела на корточки.

Я увидела ее лицо, круглое, розово-веснушчатое. И даже один глаз увидела, водянисто-серый, в реденьких рыжих ресницах.

– Милочка, выпусти меня, – я вцепилась в плохо оструганные доски, – это Дэвлин меня запер, да? Выпусти, пожалуйста! Матушка злиться будет, а я…

– Ильса, – Мила приблизила губы к щели, – знаешь… я не могу. Не могу выпустить, прости. И это я тебя заперла.

Меня словно холодной водой окатили.

– Но… почему? За что? – Сиплый шепот царапал сжавшееся в спазме горло.

– Матушка приказала. А Дэвлин еще ночью поехал в замок Бреннен.

– Выпусти меня, – прошептала я, – Мила, выпусти…

Упоминание замка Бреннен напрочь лишило способности мыслить. И я заорала, уже не таясь:

– Выпусти! За что? Что я тебе сделала? Я же тебя спасла! Мила-а-а-а!

И заколотила кулаками в доски, сдирая кожу, но уже не чувствуя боли. Потом опомнилась, снова вцепилась в дверь, припала к щелке – серая юбка быстро удалялась.

– Мила-а-а-а!!!

…Вот так. Остается только сидеть на полу. Амбар крепкий, из него не выбраться. А оконце слишком маленькое и слишком высоко, чтобы им воспользоваться.

Снова полезли мысли, непрошеные, неприятные. Почему они так со мной? Если меня отдадут в замок Бреннен, то… я даже не знаю, что со мной станет. Но уверена – это будет во много раз хуже, чем десять оплеух от матушки и лезущий под юбку Дэвлин. Люди, способные ходить в Долину Сна, уже не остаются людьми.

А я… я сделала самую огромную ошибку в своей жизни, не позволив Миле в эту Долину шагнуть.

Каждый добрый поступок наказуем, вот к какому выводу я пришла.

Мысли – бестолковые мысли – раздражали. Я поднялась, стала ходить по амбару, как была, босиком. Когда двигаешься, немного легче.

Значит, замок Бреннен…

Сколько мне осталось? Наверное, уже недолго. Наша деревня в полудне езды от замка. Вернее, от каменного утеса, который стоит, чуть склонившись, любуясь собственным отражением в море. Утес так и называют, «горбатым». А на горбу стоит старый-старый замок, куда нет никому хода – кроме тех, кто может защитить людей от Сонной немочи и от власти духа Урм-аша, проклятого духа Вечного сна. Болтают, что там, за высокими серыми стенами, сложенными из древних камней, сноходцев изготавливают из тех, в ком есть частица духа

Пробуждения. Болтают и о том, что тех, кого привозят в Бреннен, сперва потрошат, затем, уже выпотрошенных, вымачивают в больших черных чанах, а вместо внутренностей внутрь кладут солому. Вроде как сноходцы после этого могут вытащить из Долины любого… мне не хотелось, чтобы меня разрезали, словно рыбину, и выпотрошили. Жить хотелось… очень. Любой ценой.

И я ничего не могла сделать. Ни-че-го. От осознания собственного бессилия, невозможности хоть что-нибудь изменить мутило, а во рту пересохло.

А может быть, так даже лучше?

У меня нет никого, кто бы обо мне горевал. Никто не будет ходить на мою могилу, если умру. Ну не Дэвлин же, в самом деле. И даже если меня выпотрошат и набьют соломой… Как-то ведь эти сноходцы остаются живыми? Как-то разъезжают они по королевствам? Еще и плату берут такую, на какую вся наша деревня жила бы год.

Меня начало знобить. Надо было чем-то себя занять, а я не знала, чем. Подошла, погладила корову Марьку. У нее был такой теплый и мягкий нос, и глаза – большие, блестящие, как будто она собиралась заплакать.

– Маречка, – невольно прошептала я, – моя хорошая…

Поняла, что сама уже реву, горячие слезы катились по щекам. Было страшно, но сильнее страха терзало осознание того, что моя приемная семья попросту меня продает. А Милу я ведь вытащила, выхватила у Сонной немочи, успела до того, как ее тело стало превращаться в сухую куколку…

Когда за дверями раздался шум, я только прижалась спиной к загородке, за которой печально стояла Марька. Перед глазами стремительно сгущался туман, сердце трепетало где-то в горле. И как будто издалека-издалека услышала я голос матушки.

– Вот, милостивые государи, вот тут она, наша ласточка. Отдаю, от сердца отрываю. Вы уж не обидьте меня. С двумя детьми остаюсь.

В открывшемся дверном проеме возникли два плечистых мужика в черных доспехах, на головах – шлемы.

– Не надо, – вырвалось у меня жалкое, – матушка, не надо! Пожалуйста! Клянусь, все буду делать и злить вас не буду! Только не отдавайте!

– Молчи, дуреха, – совсем недобро ответила матушка Тирия, – совсем ума лишилась? Да не слушайте ее, государи мои, дурная девка, блажная. Вчера сама просилась.

– Так, может, ты нас обманываешь? Не похоже, чтоб сама просилась, – пророкотал один из мужчин, останавливаясь.

– Милку спросите, милостивые государи! Увидите все как есть. Частица Энне-аша в ней, клянусь Всеми!

– Не надо, – прохныкала я, понимая, что деваться уже некуда.

Двое шагнули ко мне сквозь трепещущее полотнище надвинувшегося обморока.

– Извольте с нами, барышня, – прогудел один из них.

– Нет… нет!

И тут не иначе как безумие меня охватило. Я рванулась вперед, между ними, прямо к распахнутой двери. Дура. Разве женщина может тягаться в ловкости с тренированными воинами?

Они меня так мягко и ловко подхватили под локти, что я даже не сразу поняла: ноги болтаются над землей.

– Идемте, барышня. Не надо бояться.

– Отпустите! – взвизгнула я, извиваясь всем телом, едва не выскакивая из сарафана. – Умоляю, пустите! Я же… никому… дурного не делала… никому…

– Конечно, никому и ничего, – согласились они.

И поволокли прочь из амбара, словно я ничего не весила. Босиком, как была.

Я успела увидеть довольную рожу Дэвлина, опечаленное лицо Милы. Она по воздуху начертила мне вслед оберегающий знак, призывая Всех быть милостивыми. Потом… широкие ступени крыльца сбоку, трещина в беленой стене дома, ветвистая, наискосок. Ворота. Цветущие мальвы, ярко-розовые, бордовые, желтые, раскрытые навстречу солнцу.

Прямо за воротами стояла черная карета, огромная, как мне показалось, без окон. Просто здоровенный черный ящик.

Все так же, без особого труда, но при этом очень аккуратно, меня затолкали внутрь, и снаружи щелкнул запираемый замок. Я свалилась на колени, ноги не держали, и судорожно хватала ртом душный воздух, в котором витали совершенно незнакомые мне запахи. Я бы даже сказала – ароматы, цветочные и свежие, точно первые капли дождя после засухи.

– О, – прозвучал чей-то голос. Мужской, приятный голос. – Надо же, свинарником запахло.

Карета дернулась и покатилась, прочь от дома и навстречу замку Бреннен.

Глава 1

Тропой сноходцев

– Да ну, почему же сразу свинарником? Просто… еще один запах природы, – ответил ему кто-то.

Зрение постепенно привыкало к сумраку кареты, я судорожно сглотнула. По углам, под потолком, раскачивались небольшие кованые фонарики, и блики рыжеватого света плясали по мягкой обивке и по тем, кто уже находился внутри.

На одном диване сидели два молодых мужчины, отменно одетые, сразу видно, что из благородных. Тот, что поближе ко мне, жгучий светлоглазый брюнет, оказался очень красивым – ну прямо принц из сказки. И он же, морщась, старательно зажимал нос кружевным платком. Второй мужчина был светловолос, но и близко не так красив, как первый. В свете фонариков я рассмотрела, что глаза у него темные, почти черные. Кажется, он мне улыбнулся, но улыбка получилась жутковатая: двигалась только одна половина лица, вторая застыла, словно часть вечно равнодушной маски.

На втором диване, в уголке, сидела девушка, тоже очень хорошо одетая – настоящая куколка. Темноволосая. И глаза такие выразительные, карие, как у лани, в густых ресницах – таких, что даже взгляд казался бархатным.

– Энне-аш воистину неразборчив, – надменно прогнусавил брюнет с платком. – Надо же, никогда не думал, что он обращает свой взор на селянок!

– Благословенный Энне-аш может обратить свой взор на любого, – поучительно заметил светловолосый, – и в этом наше счастье и спасение.

А потом он вдруг поднялся, сделал шаг ко мне и протянул руку.

– Поднимайтесь. Никто здесь не причинит вам вреда.

И снова улыбнулся, а я… все стояла на коленях и словно завороженная смотрела на эту его жутковатую ухмылку и никак не решалась прикоснуться к его чистым и наверняка пахнущим одеколоном пальцам. Мои-то были грязными, в мозолях и трещинах.

– Давайте-давайте, – добродушно сказал мужчина, – ну?

И испытующе уставился на меня. Совсем не добродушно. Взгляд резал похлеще тех серпов, которыми срезают колосья. Я решилась. Подала руку, а он сперва сжал ее, а затем просто наклонился, подхватил меня под локти и дернул вверх, ставя на ноги. Подтолкнул чуть назад, и я плюхнулась на диван, тот самый, на котором в уголке молча сидела разодетая в пух и прах девушка с глазами лани.

Мужчина вернулся на свое место, закинул ногу на ногу. Башмаки… нет, туфли были у него дорогущие, такие красивые… Хорошо, что в карете темно, потому что я, похоже, начала стремительно краснеть: оттого, что они все одеты и обуты, а я босая, с грязными руками и ногами, да еще и в старом линялом сарафане, и коса растрепалась.

– Больше уже ни за кем заезжать не будут, наверное, – сказал светловолосый.

– Могли бы сперва нас отвезти, а потом уже… за этой, – буркнул брюнет. Он все еще подносил к носу платок, а на меня и вовсе не смотрел.

Зато внимательно смотрел светловолосый.

– Как тебя зовут? – внезапно спросил он.

Щеки нещадно горели, но я все же подняла глаза и выдохнула.

– Ильса… Ильсара, господин.

– Я тебе не господин, – он улыбнулся, – в замке Бреннен все равны. Все, кто при рождении заполучил частицу духа Пробуждения.

– Возражаю, – прогнусавил брюнет, – вот этой вот… я был и буду господином. И настаиваю, чтобы ко мне она обращалась именно так и никак иначе. А лучше пусть вообще не обращается. Нам с ней даже на одной лавке делать нечего.

Мне показалось, что при этих словах светловолосый чуть заметно улыбнулся – но его половинчатая улыбка так же быстро исчезла. Он серьезно посмотрел на меня.

– Ну, раз у нас все вот так… Тогда я представлю тебе собравшихся. Начнем с дам. – Он отвесил шутливый поклон в мою сторону и продолжил: – Вот эта девушка, что рядом с тобой, – Габриэль де Сарзи. А этот грозный аристократ – Тибриус ар Мориш ар Дьюс. Был бы наследником герцогства, да не вышло. Энне-аш решил его избрать как сосуд для частицы себя.

Тут мне показалось, что брюнет, наследный герцог, прямо заскрежетал зубами, но почему-то промолчал.

– И, наконец, я. Альберт Ливес, воспитанник Школы Парящих. Если бы наставники не узнали о том, что я тоже несу в себе частицу духа Пробуждения, то мог бы тоже стать наставником…

И он, как мне показалось, глубоко вздохнул.

Потом снова улыбнулся.

– А у тебя есть фамилия?

Я пожала плечами. Какая фамилия может быть у сироты, подброшенной на крыльцо крестьянского дома? Даже имя мне дал жрец Всех, когда его позвали к найденному на крыльце младенцу.

– Понятно, – сказал Альберт. – Ну, значит, я буду называть тебя просто Ильсой. Или Ильсарой? Как тебе больше нравится?

– Красивое имя, – вдруг подала голос девушка.

У нее оказался довольно тонкий и нежный, словно россыпь хрустальных колокольчиков, голосок. Наверное, с таким голосом она могла бы петь в храме Всех.

– Даже звучит аристократично, – добавила она. – Мне нравится «Ильсара».

И прозвучало мое имя так непривычно, так чуждо… как будто и не мое вовсе.

– Меня всегда называли Ильсой, – тихо сказала я и обхватила себя руками.

– Ну хорошо. Ильса так Ильса, – согласился Альберт.

Тибриус ар Мориш ар Дьюс ничего не сказал, уставился в потолок кареты.

Нас немного потряхивало на ухабах. Фонарики раскачивались. Пахло цветами, свежестью, а еще новой кожей. В карете воцарилось молчание. Альберт откинулся на спинку дивана и, казалось, задремал, утратив ко мне какой-либо интерес. Габриэль де Сарзи тоже устроилась в уголке, сложила тонкие руки на груди и прикрыла глаза.

Я вздохнула. Мерные покачивания кареты и скрип рессор помимо воли навевали сон. Я еще раз оглядела своих попутчиков. И как они могут так спокойно спать, если будут выпотрошены и набиты соломой?

И тут закралось в душу подозрение, что нам, деревенским, сильно недоговаривали. Или наоборот, говорили слишком много, куда больше того, что происходило в замке Бреннен на самом деле. А если это так, то, возможно, и неплохо то, что меня забрали от матушки Тирии?

Я забилась в уголок дивана, натянула на коленки сарафан, так, чтоб было поменьше видно мои босые ноги, и задумалась.

Сидела и вспоминала… О том, как все узнали о частице духа Пробуждения во мне.

* * *

Мы привыкли жить в окружении духов. Их очень много, всех не запомнишь – наверное, именно поэтому самые большие, самые лучшие храмы посвящали Всем. Чтоб никого не обидеть и не прогневить. Духи были очень разные: добрые, злые, честные, хитрые – и по большей части не трогали людей. Разве что дух Огня мог вдохнуть частицу себя в новорожденного – и тогда, начиная с определенного возраста, малыш мог спокойно жонглировать горящими углями. Или, например, если ребенка коснулся дух Грозы, такой человек был способен эту самую грозу призвать. Если частица духа в нем была большой, то и призываемая гроза становилась страшной бурей. Маленькая частица, соответственно, позволяла вызвать теплый дождик и ветер. Я даже один раз видела, как во время засухи пригласили старуху, сгорбленную и седую – годы согнули ее дугой, так что ее нос оказался где-то на уровне моей талии. Старуха эта обошла вокруг деревни, вышла в поле и очень долго там стояла, опираясь на клюку. А потом как-то быстро небо затянуло черными тучами, и полило так, что деревню едва не смыло. В амбаре было воды по щиколотку, и матушка верещала

как резаная, требовала, чтоб я воду вычерпала. А как ее вычерпаешь, если она повсюду?

В общем, духов было много, но только два из них очень активно вмешивались в жизнь людей: это Энне-аш, дух Пробуждения, и Урм-аш, дух Сонной немочи.

Наверное, духи эти что-то не поделили между собой или еще как-то повздорили, нам неизвестно. Но определенно они друг друга ненавидели и были готовы истребить, почему-то втягивая в свои войны нас, обычных смертных. Урм-аш, судя по всему, был злым, жадным и хищным. Он обосновался в Долине Сна и любил заманивать к себе людские души. Делал он это, когда человек засыпал. Вот просто засыпал кто-нибудь – и уже не просыпался, буди – не буди. Некоторое время человек, которым овладела Сонная немочь, еще дышал… А потом превращался в куколку. Я никогда не видела, как это, – но слышала, что тело ссыхается, кожа делается словно бумага, если тронуть ее пальцем, то порвется… А внутри – ничего. Пустота. Все внутренности тоже ссохлись, превратились в труху.

Однако всех этих ужасов можно было избежать, если вовремя позвать сноходца, того самого, которого выпотрошили в замке Бреннен и набили соломой. Тогда, если заболевший Сонной немочью еще дышал, сноходец уходил в Долину Сна и как-то умудрялся привести заблудившуюся душу обратно и водворить ее в тело.

Вот на этом-то я и попалась.

Так уж получилось, что однажды я пришла убираться в спальне Милы. Утро было позднее, а Милка все еще бессовестно дрыхла. Я специально стала греметь дужкой ведра и с грохотом отодвигать стулья, но Мила и не думала просыпаться. Когда я дошла до мытья полов под кроватью, у меня руки так и чесались подергать ее за косы, я остановилась над спящей, размышляя, насколько мне за это попадет от матушки… И вдруг увидела.

Я увидела, что Мила стоит рядом с кроватью – и одновременно лежит на ней. А еще, что Мила – та, которая стоит, – опутана тонкой багровой паутиной, блестящей, кое-где, как мне тогда показалось, в мелких кровавых сгустках. Паутина эта тянула Милу к пятну, которое походило на марево над пашней в жаркий день. Пятно колыхалось, расплывалось, и с каждым мгновением Мила пододвигалась к нему все ближе и ближе.

– Мила, – выдохнула я, немея от ужаса.

Как же так?

Вот же она, дрыхнет себе на кровати.

И вместе с тем…

А Милка смотрела на меня так умоляюще-пронзительно и при этом молчала, что у меня дыхание застряло в горле. Я разглядела, почему она не может говорить, ее рот был зашит все теми же кровавыми стежками.

Все решилось в считаные мгновения.

Уже совершенно не соображая, что происходит, я протянула вперед руки, рванула к себе Милку, ту, которая стояла над собственным же телом. Я ее схватила за предплечья, поверх рукавов сорочки, изо всех сил дернула. Паутина лопалась с треском, и в тот миг, когда лопнула последняя липкая нить, Милка наконец подалась ко мне – а у меня под пальцами ее тело вдруг стало мягким, словно пух, и распалось золотой пылью.

– Милка, – прошептала я, и потом крикнула: – Мила-а-а-а!

– Ильса, – хрипло позвала та Милка, которая лежала на кровати и теперь проснулась, – что… было? Я помню, как меня куда-то затягивало… И спальня вся сделалась прозрачной, а ты…

Благословенный дух Пробуждения, Энне-аш, оставил во мне кусочек себя самого.

Именно поэтому я и увидела, как Милка уходит в Долину Сна, и именно поэтому успела ее схватить.

Ну а дальше… Говорят, Сонная немочь не забирает дважды. Мила была в безопасности.

А за регистрацию сноходца отваливали целое состояние.

Даже матушка живо сообразила, что же произошло в спальне. И теперь я еду в темной карете без окон, одна среди аристократов, прячу свои ужасные ноги и руки. Но страх потихоньку отступает. Они ведь не боятся того, что с ними сделают в замке Бреннен? Возможно, не все так плохо?

Карета остановилась.

Альберт приоткрыл глаза, встряхнулся.

– Ну, приехали.

* * *

Замок Бреннен встретил нас торжественной, почти потусторонней тишиной и пустотой. Когда я выбиралась из кареты – последняя, прячась за спины несостоявшегося герцога и Альберта, – почему-то ожидала марширующие шеренги защитников замка в черных балахонах, толпу отмеченных духами. Но нет. Ничего такого не случилось. Внутренний двор оказался совершенно пустым, безжизненным. Приоткрыв рот, я рассматривала внешнее кольцо замковой стены, по внутренней стороне которой паучьими лапами разбегались многочисленные деревянные лестницы и закрытые коридоры, огромное центральное строение, закрывшее полнеба, с беспорядочно разбросанными стрельчатыми окнами, в стеклах которых отражалось солнце. Деревянная черепица тускло блестела старым серебром, точно так же, как серебряные ложки матушки, когда их начистишь мелом. И все это… оказалось настолько красиво и величественно, что я не сразу сообразила: меня окликнули.

Оказывается, глазея на замок, я пропустила самое важное: к нам подошел высокий мужчина, немолодой уже, седоватый. Он был облачен в богатое одеяние из черного бархата – что-то вроде многослойной туники, длинной, ниже колен, – а на груди золотились вышитые звезды и еще какие-то символы. И теперь он строго уставился на меня. Альберт посторонился, давая этому господину меня рассмотреть. Я осторожно взглянула в лицо незнакомцу и поразилась тому, какой у него молодой и цепкий взгляд. А глаза цветом как ягоды ежевики…

– Барышня, вы оглохли? – сухо повторил он, сверля меня тяжелым и не сулящим ничего хорошего взглядом.

– Я… простите…

Он был таким… манерным, таким роскошным, и вышивка на груди так и искрилась, так и переливалась. Вконец смутившись, я обреченно уставилась на него, ожидая… Чего? Я и сама не знала. Матушка обычно награждала оплеухой, ее муж разражался непристойной бранью. Этот господин… казалось, мог ударить, сильно ударить. И я невольно втянула голову в плечи, надеясь, что мой никчемный вид вызовет жалость.

– Я поинтересовался, как вас зовут, – вкрадчиво поинтересовался мужчина, даже не шевельнувшись, не сделав ни единого движения в мою сторону. – Вам ведь несложно ответить?

Кажется, его герцогство презрительно фыркнул.

А я набрала воздуха побольше и сказала:

– Ильсара, господин. Меня зовут Ильсара.

– А фамилия?

Тяжелый взгляд скользнул по мне снизу вверх и обратно, мне показалось, что мужчина скривился. Все-таки… Какой он… Явно не крестьянских кровей. Красивый, хоть и не молод уже. Мне вообще не доводилось встречать мужчин, которые бы старились красиво. В деревне, на тяжелой работе, мужики быстро превращались в сморщенных, сгорбленных и искореженных жизнью.

– У меня нет фамилии, простите.

Кажется, он пробормотал: «ожидаемо», но тут же спохватился и даже улыбнулся. Скупо так, но от этой улыбки его лицо вдруг стало очень приятным и располагающим. Он еще раз оглядел всех нас и сказал, уже громко:

– Итак, будущие коллеги. Отныне вы – адепты замка Бреннен. Это означает, что вы будете единственной защитой людей от Сонной немочи и отныне ваш путь будет пролегать очень близко к Долине Сна. Меня зовут Орнус Брист, я буду вашим личным наставником. А теперь прошу следовать за мной, я покажу вам ваши комнаты.

И мы потянулись следом, я – в хвосте. Не поперек же господ лезть. Передо мной семенила Габриэль де Сарзи, и более всего на свете я боялась засмотреться и наступить на край ее прекрасного муслинового платья.

А посмотреть было на что. Внутри замок Бреннен оказался столь красиво и дорого отделан, что захватывало дух. Стены украшала изысканная резьба по камню, какие-то непонятные символы, сплетающиеся в длинные орнаменты, и красочные гобелены, такие большие, что у меня в голове не умещалось, как вообще можно сделать такое. На гобеленах пировали прекрасные дамы и рыцари, охотились на диких зверей неведомые мне короли, пастухи обнимали пастушек на фоне прелестных кудрявых овечек – и все это среди невиданных цветов, то ли придуманных мастерицами, то ли попросту растущих в других королевствах.

Орнус Брист показал нам трапезную, не слишком большую, уставленную тяжелыми дубовыми столами, показал вход в купальни, не забыв добавить, мол, сюда приложили руку отмеченные духом Воды, сами потом увидите. Потом он оставил Альберта и Тибриуса на разветвлении широкой лестницы и повел нас с Габриэль наверх, поясняя, что сейчас мы придем на женскую половину, где живут и другие адептки, и там он нас и оставит, а сам покажет комнаты мужчинам.

– А это ваша, барышни, комната, – наконец сказал Орнус Брист, останавливаясь перед высокой дверью, точно так же покрытой резьбой. – Замков у нас на дверях нет, но вы сможете, если захотите, запираться на ночь на щеколду. Ваши вещи принесет слуга. Те, которые вы привезли с собой. Позже, если что-то понадобится, сможете купить.

Он распахнул дверь, пропуская внутрь Габриэль, но когда я хотела на цыпочках идти следом, крепко взял меня за локоть.

– А вы, Ильсара, задержитесь.

И плотно дверь закрыл. Мы остались одни в сумрачном коридоре, я невольно попятилась, попыталась вырвать руку из крепких пальцев, но тут же поняла, что меня никто не держит.

Орнус Брист хмуро смотрел на меня и молчал. А я не понимала, что ему нужно, и от этого сердце зашлось в рваном беге, а спина мгновенно вспотела.

– Я так понимаю, у вас больше ничего нет? – Красноречивый взгляд в сторону моего сарафана и на босые ноги.

– Нет, – прошептала я, краснея.

– То есть ни одежды, ни белья, ни обуви, – задумчиво уточнил Брист, хмуря брови.

– Нет.

Он почесал подбородок, все так же рассматривая меня, а затем спросил:

– Откуда вы взялись, Ильсара?

– Я сирота, – буркнула, опуская взгляд, – меня воспитывала матушка Тирия по доброте сердечной.

– Ну да, конечно, и вы ей заменили всех сезонных работников, – небрежный кивок на мои руки. – Хорошо, я все понял. Вам сейчас принесут свежее белье и платье адептки, уж не обессудьте, какое найдем. И башмаки. Оденетесь после того, как побываете в купальне. Надеюсь, вшей у вас нет?

У меня появилось желание немедленно провалиться сквозь пол.

– Нет, – почти беззвучно проронила я, понимая, что еще немного, и расплачусь.

– Не обижайтесь, – сдержанно сказал Брист. – Я должен был спросить. Наверняка вы и читать не умеете?

– Я умею за скотиной ходить, – горячая капля медленно поползла по щеке, – и готовить. И прясть. И огород полоть…

– Прекрасные умения, но здесь они вам не пригодятся.

Внезапно я почувствовала его теплые и жесткие пальцы на своем лице, он приподнял мой подбородок.

– Не плачьте, – ежевичные глаза улыбались, – замок Бреннен, конечно, не самое безопасное место, но, если соблюдать все правила, с вами все будет хорошо. Мы побеседуем чуть позже.

Я как завороженная смотрела на него и не могла шевельнуться. Никто. Еще никто себя так не вел со мной. Так странно. Так чудесно и непривычно. Орнус Брист – первый человек, который вел себя так, словно я ему ровня. Ну или почти…

– Идите, – снова скупая улыбка, – отдохните. Потом вымоетесь. Ровно в шесть часов у вас назначено собеседование, и мне бы хотелось вас видеть одетой, причесанной и хотя бы не рыдающей.

Он опустил руку, кивнул, а потом повернулся и пошел прочь. А я… не удержалась.

– Мастер Брист!

Остановился, обернулся.

– Да, Ильсара?

– Вы… сноходец?

Он пожал плечами.

– Разумеется.

– А вас… не выпотрошили и не набили соломой?

– Что за чушь вы несете? – трагическим тоном поинтересовался он. – И вот это про нас рассказывают в вашей деревне или откуда вы там взялись?

Я сглотнула и кивнула. Ох, только бы не разозлить.

– Не переживайте, милая моя, вас никто потрошить не будет. – Он усмехнулся, блеснул глазами в полумраке и пошел прочь.

А я, от всего пережитого трясясь как лист, потянула на себя дверь нашей общей с Габриэль комнаты и шагнула вперед.

С ума сойти. Мне придется жить в одной комнате с аристократкой, Габриэль де Сарзи. Нет, все это просто невозможно.

* * *

Комната оказалась просторной, с камином. Окно было одно, и кровать рядом с ним ожидаемо заняла Габриэль. Она сосредоточенно копошилась в своем красивом кожаном чемоданчике и что-то бурчала под нос. Я молча подошла к свободной кровати и присела на краешек. Пачкать плотное тканое покрывало не хотелось. Габриэль молчала, не замечая меня и продолжая свое занятие. Я тоже не знала, что делать и как себя вести, надо было дождаться обещанной одежды, потом пойти искупаться и приготовиться к собеседованию. В голову лезли разные глупости. Должна ли я называть Габриэль госпожой? Должна ли я заговорить первой, нам ведь жить вместе? И этот мастер Брист, о чем он будет меня расспрашивать? Немного страшно… и любопытно одновременно. В животе как будто поселилась сотня бабочек-капустниц, и все они трепещут крылышками, щекочут… забавно так щекочут.

Я наблюдала, как юная де Сарзи разложила на покрывале содержимое деревянной шкатулки. Там было столько блестящих коробочек и склянок! А еще костяные гребни, резные, такие необычные, маленькие, заколки для волос и еще много интересных вещиц, о назначении которых догадаться невозможно.

Я рассматривала и саму Габриэль: хрупкая шатенка с глазами олененка, каждое ее движение было изящным и скупым одновременно. Я бы сказала – отточенным и выверенным годами строгого воспитания. И платье такого красивого коричневого оттенка. Даже Мила никогда не носила таких, откуда у дочки зажиточной крестьянки столько денег.

Неожиданно Габриэль отложила в сторону свои вещицы и посмотрела в упор на меня – тоскливо и испуганно. А у меня как будто гора с плеч свалилась: я думала, что останусь один на один с заносчивой аристократкой, а оказалась рядом с просто перепуганной и опечаленной девушкой, которая по душевному состоянию не так далеко ушла от меня.

– Что скажешь? – тихо спросила Габриэль де Сарзи.

Я пожала плечами. Не знаю, о чем говорить, что говорить.

– Как ты здесь оказалась? – снова вопрос.

И посмотрела на мои руки. Почему-то все на них глазели, как будто это было самым главным во мне.

– Я спасла сестру, – растерянно промямлила я, – и матушка узнала, что во мне частица духа Пробуждения. Поэтому меня заперли в амбаре и позвали сноходцев.

– Понятно, – Габриэль вздохнула, – ничего хорошего. У меня тоже… ничего хорошего. Но я думаю, что пусть лучше здесь, чем замуж. Хотя, что уж там, я мечтала о семье.

И снова посмотрела на меня так пронзительно-грустно, что захотелось как-то ее утешить. Ну или хотя бы развлечь разговором.

– Если вы…

– Ты. Мы здесь все одинаковые, помнишь?

– Если… ты хотела семью, то почему же здесь лучше, чем замуж?

Габриэль потерла кончик аристократичного носика и покачала головой.

– Потому что мой жених меня старше на сорок лет. Представляешь, каково это, – каждый вечер ложиться в постель со старым, обрюзгшим и вонючим маркизом?

– На сорок лет!

Я не знала, что и сказать. Конечно, в нашей деревне бывали неравные браки. Даже староста, овдовев, взял себе ладную шестнадцатилетнюю девку, но старосте чуть за тридцать, он рослый и крепкий мужик. А до шестидесяти у нас вообще редко кто доживал, и шестьдесят лет считалось очень почтенным возрастом.

– На сорок лет, – эхом откликнулась Габриэль, – так что, думаю, уж лучше стать сноходцем и приносить пользу людям, чем превратиться в игрушку престарелого самодура.

– Да, наверное, – согласилась я. И почему-то сообщила: – А у меня не было женихов. Не до них было.

– Оно и видно, – фыркнула Габриэль, – стоит только посмотреть на твои руки.

– У тех, кто в деревне много работает, всегда такие руки, – твердо сказала я, глядя в глаза олененку.

– Не обижайся, пожалуйста. Это не упрек. Только вот… Ты точно крестьянка? Понимаешь, я смотрю на твои руки – они очень маленькие, изящные. Но при этом в совершенно ужасном состоянии. Они не должны быть такими, понимаешь?

Я вздохнула. Ну что ей ответить?

– Меня подбросили на крыльцо матушке. Я не знаю, кто мои родители. Ну а руки… меня ведь никто не спрашивал, хочу ли я делать ту или иную работу.

– Понятно, – сказала Габриэль задумчиво. – Ну ничего. Мы приведем в порядок и твои руки, и ноги.

– Мы?

– Ну да, – она слабо улыбнулась, – мы же будем жить в одной комнате. И, наверное, должны стать подругами или что-то вроде того.

А потом добавила мрачно:

– У меня никогда не было подруги. Сама не знаю, что с этими подругами делать.

В этот миг в дверь аккуратно постучались, Габриэль, сорвавшись с места, побежала открывать. И сразу вернулась с пухлым свертком, положила его на мою кровать.

– Вот, принимай. Я думаю, все это тебе! И пойдем, наконец, купаться. Я жутко пропотела, пока добирались.

Я тоже хотела помыться и поэтому принялась торопливо раскладывать то, что мне принесли. А там… я мысленно поблагодарила мастера Бриста, потому что, думаю, это он распорядился обо всем. А может быть, даже сам что-то подбирал.

Там было белье, настоящее. Из недорогой бязи, но совершенно новое. Две нижних сорочки, платье со шнуровкой по бокам, смешные панталоны, две пары чулок (одни шерстяные) и туфли. В довершение ко всему халат и еще одна сорочка, длинная-длинная и такая широкая, что я в ней просто утону. И большое мягкое полотенце. А в маленьком деревянном ящичке обнаружилась странная щеточка на длинной ручке и круглая жестяная баночка, от которой пахло мятой.

– Отлично, – сказала Габриэль, которая тоже все это рассматривала. – Теперь бери, что нужно, и пойдем наконец купаться.

Я все рассматривала содержимое ящичка, с ужасом понимая, что понятия не имею, что со всем этим делать.

– Ты что, зубы никогда не чистила? – вкрадчиво спросила Габриэль.

– Чистила, конечно! Щепочками…

Она вздохнула.

– Это же зубная щетка и зубной порошок. Ну пойдем уже, а? Не уверена, что у них там есть мыло, возьму свое. Вот, и ты держи.

И положила мне на край кровати брусок мыла, который одуряюще пах розами, и совершенно новую мочалку.

* * *

Мы без приключений добрались до купален, по пути встретив лишь двух служанок, торопящихся куда-то со стопками наглаженного белья. Внутри все оказалось отделано белым камнем с темными прожилками, Габриэль назвала его «мрамор». Взяли по большому тазу, разделись и приступили к мытью. Надо сказать, не просто так мастер Брист обратил наше внимание на устройство купален. В центре располагался небольшой круглый бассейн, где весело пузырилась теплая вода. Вокруг бассейна были расставлены мраморные же скамьи, куда полагалось садиться или ставить свой таз. А вода, которой мы поливались, стекала в отверстия в полу. Просто и удобно.

Я, наверное, раза три намыливалась, оттирая с себя всю въевшуюся грязь. И волосы… Это ж не зола, это настоящее ароматное мыло, какое мне за всю жизнь ни разу в руки не давали. Вернее, давали, но только для того, чтобы донести из лавки до дома и отдать матушке. И мне почему-то казалось, что вместе с грязью с меня сходит и уносится с теплой водой все старое, а я, как будто заново родившись, ступаю на порог новой жизни. От осознания этого почему-то было больно и свербело в горле, и я боялась расплакаться перед Габриэль, потому как причин для слез вроде и нет, а рыдать просто так казалось стыдным.

Потом, вытершись, просушив волосы, я оделась в чистое, обулась и стала ждать Габриэль, которая не торопилась. Туфли оказались велики, но самую малость, и так было даже удобнее.

У выхода висело большое зеркало, и я – бочком-бочком – но все-таки решилась в него посмотреть. Жутко было любопытно, какой же я стала.

Из мутноватой глубины на меня растерянно уставилась нарядная кукла с гривой черных волос и синими глазами. Как странно. Я никогда не рассматривала себя, и вот сейчас вдруг почувствовала, что это не я – кто-то совсем другой. Платье из недорогой серой ткани с белым воротничком преобразило меня просто невероятно. И туфли. Очень мягкие, такие никогда не набьют мозолей…

И вот эти глазищи, на пол-лица, какие-то кошачьи. И лицо худое, треугольное. И узкий прямой нос.

– Ты красивая. – За плечом вдруг возникла Габриэль, замотанная в полотенце. – Ты точно крестьянка, м?

– Я не знаю, – покачала я головой, опустила взгляд.

А потом, спохватившись, принялась заплетать косы. Мысли в голове снова толкались самые глупые. Я почему-то вспомнила, как Дэвлин все норовил меня зажать в углу, и задумалась о том, что, возможно, он тоже считал меня красивой. Но при этом отчего-то называл свиным отродьем и уродкой…

– Идем в комнату, – за плечом снова возникла Габриэль, – я с собой привезла все, что нам может понадобиться. А потом напишу родителям, еще попрошу. Или сами купим.

– Откуда у меня деньги… – Настроение вмиг испортилось.

– Думаю, тебе выделят какое-то довольствие, – серьезно сказала она. – Видишь ли, сноходцы – это самые богатые люди в пяти ближайших королевствах. Возможно, богаче самих королей.

– Почему же тогда короли не отберут у них богатства? – В моем представлении не было никого жаднее правителей.

– Ну как почему.

Мы уже выходили из купален, и Габриэль взяла меня под руку.

Аристократка. Меня. Под руку.

– Потому что каждый король хочет пожить подольше и не превратиться в куколку, когда за ним придет Сонная немочь, – поучительным тоном сказала Габриэль и весело рассмеялась.

– Можно сноходца заставить, – возразила я, – заковать в цепи.

– А вот и нет! Потому что сноходец просто уйдет в Долину Сна, и никакие цепи его не удержат. Так-то.

Ее смех зазвенел колокольчиком под сводами старого замка Бреннен, а мне почему-то стало легко и весело. Так, словно вот сию минуту я могла распахнуть крылья и взлететь.

Глава 2

Тайная комната

За мной пришли чуть раньше, в пять, словно наставники решили прежде всего убедиться в моем… Даре? Или, наоборот, полной бесполезности? Раздумывая над этим, я шагала за высоким охранником в черных латах, и мне очень хотелось спросить, каким образом будет проходить та самая беседа. Но, понятное дело, я ничего не спросила и послушно дошла до нужной двери в нужном крыле замка. Надо сказать, здесь все немного отличалось от того, что я видела в крыле, куда селили адептов. Как-то мрачно, не обжито. Кое-где штукатурка даже дала трещины, и невероятно красивые и сложные фрески местами начали осыпаться. А еще мы шли такими извилистыми коридорами, сворачивали такое количество раз, что я усомнилась в том, что смогу самостоятельно найти дорогу обратно. Впрочем, это не сильно пугало: замок не пустует, и даже если заплутаю, меня кто-нибудь да найдет.

Потом охранник постучался, распахнул передо мной дверь – и в глаза брызнул яркий свет. В этой небольшой комнате было жарко от множества горящих свечей. Я вплыла внутрь сквозь теплый, душный и пахнущий горячим воском воздух и остановилась перед длинным столом, за которым и сидели наставники.

Обежав взглядом собравшихся, я отметила, что место в середине занимает очень светлый блондин, такой светлый, каких я еще никогда и не видела. Я невольно сглотнула, поняв, что у него красноватые радужки, но кое-как взяла себя в руки. Мастер Брист сидел по правую руку от красноглазого чудовища, рядом с ним расположилась моложавая брюнетка, худенькая и маленькая. Еще двое сидели по другую сторону стола, мужчины, похожие друг на друга как две капли воды, оба медно-рыжие и темноглазые. И все присутствующие здесь не были старыми, мастер Брист – старше прочих, но не дряхлый, видно, что еще есть в теле и сила, и ловкость.

– Присаживайтесь, Ильсара, – мягко проговорил блондин в центре, перед этим отметив что-то в бумаге, лежащей перед ним.

Вконец растерявшись, я пошарила взглядом по комнате, сообразила, что рядом со столом – как раз напротив красноглазого – стоит стул. Уже садясь, поймала взгляд Бриста, и мне показалось, что он ободряюще кивнул и чуть заметно улыбнулся.

А потом я попала в плен кровавых глаз.

– Итак, – произнесло чудовище очень приятным, бархатистым голосом, – вас зовут Ильсара, фамилия неизвестна. Хотите взять фамилию семьи, которая вас приютила?

– Нет, – сорвалось с губ прежде, чем я подумала.

Кажется, чудовище хмыкнуло. Я… невольно посмотрела на его руки, он сплел пальцы шалашиком. Ухоженные, чистые. Не то что мои.

– Хорошо, мы не будем настаивать. Но здесь принято иметь какую-то фамилию, так что подумайте на досуге и придумайте себе… что-нибудь. – Он несколько мгновений меня пристально рассматривал, затем продолжил: – Меня зовут Кодеус Клайс, и я – глава замка Бреннен и этого приората сноходцев. Я не буду ничего вам преподавать, поскольку мои задачи состоят в ином. Далее. Рядом вы видите вашего наставника, мастера Орнуса Бриста. Он будет заниматься вашим становлением как носительницы частицы Энне-аша. Со всеми вопросами обращаться к нему. Мастер Гвейла Шиниас, – брюнетка сдержанно кивнула, – будет учить вас искусству привязки. О том, что это такое, уже завтра расскажет

сама она. По левую сторону от меня вы видите Ригерта и Рокрета Шезми, да, они братья и мастера поиска и перемещений в печально известной Долине Сна.

Он умолк, все еще сверля меня страшным взглядом. А я… что я должна была сделать? Поклониться им?

Окончательно смешавшись, я кое-как поднялась и молча поклонилась, как меня приучили кланяться старосте.

– И что это вы вытворяете? – ядовито спросил Клайс. – Где это вас научили такому?

Кажется, мастер Брист предупреждающе кашлянул, Клайс обменялся с ним быстрыми взглядами.

– Садитесь, Ильсара, – махнул он холеной рукой. – Вас никто здесь не хочет обидеть. Но, судя по всему, некоторые проблемы у нас будут. Скажите, вы обучены грамоте?

Я мотнула головой, с преувеличенным вниманием рассматривая подол своего новенького платья.

– Орнус, все это придется делать, – последовал незамедлительный приказ. – И делать придется тебе.

– Это не страшно, – мягко ответил мастер Брист. – Мы справимся, правда, Ильсара?

Я осторожно посмотрела на него: Брист чуть заметно улыбался.

– Да… я готова.

– Расскажите нам, как впервые в вас проявился дух Пробуждения, – скомандовал глава замка Бреннен.

– Я…

И снова воспоминания нахлынули душной волной.

И я рассказывала. О том, что чувствовала, о том, как это страшно, отвратительно… но Милу нужно было спасти, я не могла дать ей погибнуть. А они меня потом продали, так подло, даже не предупредив.

Когда я умолкла, в комнате воцарилась тишина, ватная, давящая и неприятная.

– Любопытно, – первой подала голос мастер Шиниас, – про нитки нам еще никто не рассказывал.

– Похоже на то, что изрядно повышена чувствительность, – высказался кто-то из братьев Шезми, я так и не запомнила, кто из них кто.

– Коллеги, я бы предложил не гадать, а проверить, насколько все серьезно. Возможно, барышне примерещилось, – снова Клайс.

Я удивленно моргнула, когда он откуда-то из ящика достал плоскую коробку и поставил ее передо мной. Сдвинул крышку. Внутри оказалась россыпь мелких предметов: пуговицы, оторванные от одежды, мелкие монетки, обломок гребня, ленточка, очень старая, местами засаленная чужими прикосновениями…

– Возьмите что-нибудь, рассмотрите, – приказал Клайс. – Попытайтесь почувствовать каждый из этих предметов… И скажите мне, что вы думаете об их хозяевах.

«Да что я могу сказать об их хозяевах?» – мысленно ужаснулась я, но все же протянула руку и взяла первое, что попалось.

Это оказалась тяжелая серебряная пуговица с неизвестным мне гербом: василиск извивался вокруг солнца.

– Не торопитесь, – вдруг вмешался мастер Брист. – Закройте глаза. Попробуйте почувствовать эту вещь. Попробуйте представить себе ее хозяина. В любом случае не торопитесь.

Я послушалась. Закрыла глаза, стараясь забыть о том, где нахожусь. Сжала в кулаке пуговицу, она была приятно-холодной и почему-то совершенно не желала нагреваться от тепла моей ладони. Затаив дыхание, я вслушивалась в собственные ощущения, и с каждым мгновением мне делалось все страшнее – потому что я не чувствовала ничего. Вообще ничего, пустоту. Только пустоту и холод.

Меня выгонят отсюда? Я вернусь к матушке Тирии?

Но почему-то возвращаться уже не хотелось. В стенах замка Бреннен я внезапно почувствовала себя человеком, а не рабочими руками, которые было так удобно использовать.

– Ну, что? – тихо спросил мастер Брист. – Не бойтесь, говорите, что почувствовали?

– Пустоту, – пересохшими губами прошептала я. Потом виновато посмотрела на Бриста. Он разочарован?

Но нет, наставник снова улыбнулся.

– Все правильно, вы и должны были почувствовать пустоту, – сказал Кодеус Клайс, – владелец этой пуговицы давным-давно мертв. Берите следующий предмет.

Пальцы дрожали, когда я отложила в сторону пуговицу и потянулась за следующей вещицей. Зачем-то взяла обрывок ленточки, сжала в кулаке, снова закрыла глаза.

Ленточка молчала, не торопясь раскрывать мне судьбу своей владелицы. Она не была ни холодной, ни горячей – просто старой и грязной шелковой ленточкой, которая когда-то имела цвет, а теперь превратилась в поблекшую тряпочку.

Я невольно облизнула губы.

Что я должна сделать с собой, чтобы почувствовать?

И что именно нужно чувствовать?

Внезапно кожу ладони словно ожгло. Я открыла глаза, но… все поплыло. Яркие огоньки свечей, добротная мебель, наставники – все вдруг подернулось густым туманом, сквозь который…

Снова паутина. Та самая, которая тянула тогда Милку. Такими же нитками был зашит ее рот, и поэтому Милка не могла кричать.

Только теперь паутина была везде. И сноходцы… Они как будто остались по ту сторону, а я… я совершенно одна, кожу жгут толстые плети в отвратительных кровавых сгустках. И огнем горят стежки на губах, и я тоже не могу кричать – только мычу, заходясь в беззвучных рыданиях, теряя рассудок от ужаса.

Показалось, что меня кто-то зовет. Я изо всех сил дернулась, пытаясь разорвать стянувшие кожу путы, меня словно кипятком окатили…

И внезапно все закончилось.

Я снова могла дышать. Лицо ласкал прохладный воздух. Я как будто плыла, плыла сквозь сумрак, и кто-то бережно прижимал меня к себе, и нес, нес…

– Тише, Ильса, тише, – услышала я голос Бриста, – вы нас всех изрядно напугали. Сейчас передохнете в лекарской и пойдете к себе.

– Что случилось? – просипела я, не зная, что и думать. – Отпустите, я сама пойду.

– Думаю, это не самое лучшее решение. Вы на ногах не удержитесь. С вами такое раньше случалось? Что вы видели, когда взяли ленту?

– Мне… было плохо… – прошептала я, снова закрывая глаза. – Снова эта паутина… она тянула меня… Кому принадлежала та ленточка?

– Она принадлежала молодой девушке, сноходцу, которая заблудилась в Долине Сна и не нашла дороги домой, – тихо сказал Брист. – У вас очень низкий порог чувствительности, Ильса. Это и хорошо и плохо одновременно.

– Так меня… не вернут к матушке?

– Вернут? Нет, что вы. Вас будут учить. Вы спасете очень много людей от духа Сонной немочи, Ильса. Все будет хорошо.

Я закрыла глаза. И так было уютно и спокойно на руках у наставника, что даже стало немного стыдно. Ну надо же, меня несет совершенно чужой мужчина, а я и размякла. Матушка бы уже сказала: шлюха, как есть шлюха. А я наслаждалась. И почему-то мечтала о том, что, будь у меня отец… настоящий отец… он тоже бы… иногда жалел. И помогал бы. И берег. И не заставлял бы таскать тяжеленные ведра с помоями.

– Простите меня, – пробормотала я, – простите, что так вышло.

– Через пару часов придете в себя и отправитесь в свою комнату, – спокойно ответил Брист. – Кстати, вам назначили содержание. Небольшое, как и положено адепту, но деньги у вас будут. Сможете по праздникам выезжать в Торнхоп или Филтон, купите все, что понадобится.

– Это вы… попросили за меня? Ну, про деньги?

Хотя я могла бы и не спрашивать. Брист промолчал, и я видела, что он улыбается.

* * *

В лекарской я действительно провела совсем немного времени, в обществе немолодой уже, но очень деятельной дамы. Она была круглой со всех сторон, как шарик: округлое лицо, пухлые пальцы, полные руки, ну и все остальное. Одета в серую лекарскую хламиду, а волосы убраны под скромный чепец. Даму звали Фелиция. Она отчаянно скучала, сидя на своем посту, и потому, заполучив меня, с удовольствием рассказывала о замке Бреннен и о том, как это важно: уметь легко ходить в Долину Сна.

Фелиция, непрестанно улыбаясь, напоила меня несколькими горькими отварами. Настолько отвратительными на вкус, что, думаю, ватное бессилие отступило не столько от их целебных свойств, сколько от бодрящей горечи. Фелиция все

болтала, и я пожалела, что Брист ушел, как только сгрузил меня на кушетку. Слушать лекаршу почему-то казалось утомительным, а еще… уж не знаю почему, но не понравились ее взгляды, которыми она время от времени меня окидывала. Странные такие взгляды. Примерно так деревенский мясник смотрел на тушу свиньи, приступая к разделке. При этом с лица Фелиции не сходила очень дружелюбная, располагающая улыбка, и казалось, она искренне мне сопереживает.

Мне все же сделалось неуютно, я осторожно села, спустила ноги на пол. Голова немного кружилась, но в целом стало лучше.

– Я пойду, спасибо, – сказала я улыбчивой даме.

– Тебе полегчало? – прощебетала она.

Я кивнула. И поднялась на ноги. Лекарская на миг накренилась, но затем все вернулось на свои места: чисто застланные кушетки, стеллажи, набитые мешочками, коробками, какими-то бутылками. В окна – здесь их было два – заглядывал багровый закат, и каким-то чудом этот свет отразился в голубых глазах Фелиции, на миг будто наполнив их кровью. Я вздрогнула, моргнула… В следующее мгновение она шагнула в сторону, и видение исчезло. Передо мной снова стояла улыбчивая дама.

– Подожди, – засуетилась она. – Брист сказал, у тебя повышена чувствительность, значит, на ночь нужно обязательно принимать специальное снадобье.

И протянула мне стеклянный пузырек, наполненный коричневой жидкостью. Он был закрыт стеклянной притертой крышкой, но даже так я ощутила запах спикорня.

– Это чтобы сны не снились, – пояснила Фелиция. – Вам еще не рассказывали, верно? Нет лучшей пищи для духа Сонной немочи, чем сноходец, несущий в себе частицу духа Пробуждения. А где проще всего разжиться таким лакомством? Присниться ему. Так что такие вот одаренные с повышенной чувствительностью на ночь обязательно принимают наше зелье. Чтоб себя оградить от посягательств с той стороны.

– Спасибо! – Я кивнула и взяла пузырек. – Ну я пойду?

– Иди, – ответила Фелиция и отвернулась.

Она подошла к столу и принялась что-то деловито перебирать на нем, перекладывая с места на место банки, закрытые шелестящей бумагой, высокие колбы с неизвестным мне разноцветным содержимым. В общем, на меня она больше не смотрела, и я потихоньку вышла прочь.

Оказавшись в коридоре, я с тоской подумала, что теперь мне самостоятельно нужно добраться до нашей с Габриэль комнаты. Лекарская находилась все в том же, старом и давно не ремонтированном крыле замка, передо мной в темноту уходил длинный коридор, который, несомненно, еще несколько раз вильнет в сторону или разветвится. Я вздохнула и пошла вперед, придерживаясь рукой за стену: все-таки голова кружилась, от слабости и голода подташнивало.

Снова я начала думать. На сей раз о том, как много мне придется трудиться, чтобы выполнять все требования наставников. Внезапно сделалось так жутко, что, показалось, пол уходит из-под ног. Мне придется научиться читать и писать! Это ведь совершенно невыполнимо! У нас в деревне грамоте был обучен только жрец Всех и те, кто посещал деревенскую школу. Так что ж, и я стану настолько ученой?

Потом я вспомнила, что Кодеус Клайс сказал о необходимости сочинить себе фамилию. Это тоже казалось сложной задачей. А вдруг фамилии что-нибудь означают? И я придумаю что-нибудь не то? Наверное, в этом вопросе лучше посоветоваться с Габриэль… Кажется, она неспособна на гадость.

Коридор вильнул пару раз, и впереди послышались разговоры и смех. Это обнадеживало: сейчас спрошу, как мне быстрее добраться до крыла, куда селили адептов. Я ускорила шаг, одной рукой все так же опираясь на стену, а в другой сжимая склянку со снадобьем, и неожиданно для себя выбралась в довольно широкую галерею. Окон там не было, свет давали факелы в подставках. И вот там-то четверо моих ровесников что-то горячо обсуждали, весело гогоча.

Я остановилась. Почему-то не хотелось спрашивать у них. Тем более что они вели себя так, словно были навеселе. Я попятилась, но внезапно один из них

обернулся в мою сторону и… С замирающим сердцем я узнала Тибриуса ар Мориша ар Дьюса. Отвратительно. Это был последний в королевстве человек, с которым я бы хотела столкнуться в темном коридоре.

Теплилась, конечно, робкая надежда: может, отвернется и сделает вид, что не заметил, но она истаяла, когда Тибриус разразился пьяным смехом и указал на меня пальцем.

– А-а-а, вот и прекрасная дама пришла нас развлечь!

Его приятели разом повернули головы, словно их кто-то дернул за ниточки.

Я потупилась и все же развернулась, чтоб уйти обратно. Пережду где-нибудь в уголке, а потом уже буду искать дорогу.

– Эй, стой! – крикнул кто-то сзади.

Нестройный топот за спиной, и меня догнали. Чьи-то жесткие пальцы схватили за плечо, разворачивая, и я лицом к лицу оказалась с Тибриусом и его подпевалами.

Разило вином от него знатно. В неверном свете факелов он прищурился, рассматривал меня несколько мгновений, а затем во взгляде появилось недоумение… узнавание… и очень знакомое выражение, которое я постоянно видела в глазах Дэвлина, когда он распускал руки в сенях.

– Ба, да это же наша свинарка! – хохотнул он натужно. – Вот это встреча! Господа, наконец-то в этих мрачных стенах мы нашли даму, которая в самом деле всех нас развлечет. Так ведь, как там тебя?

– Отпусти, – я дернула плечом.

Ладонь, в которой я сжимала пузырек, мгновенно вспотела.

– Отпустите, господин, – поправил Тибриус, ухмыляясь. – Или забыла, как надо обращаться к таким, как мы?

Забыла ли я? Нет, конечно же, нет. Но точно так же понимала, что, как бы я сейчас ни обратилась, все будет неправильным. Все будет только поводом…

– Мне нужно идти, – повторила я громко. Так решительно, как получилось.

– Вот прямо торопишься? – Гад усмехнулся, затем оглянулся на собутыльников, ища поддержки.

И он ее получил. Во всяком случае, никто из них не вмешался и не попытался за меня заступиться. Тибриус за один вечер стал заводилой и предводителем.

– Хорошо, – его голос прозвучал обманчиво мягко, – сейчас обслужишь нас по-быстрому – и иди.

Я моргнула. Происходило нечто запредельное. И никто, ни один из них не сказал и слова поперек. Теперь уже стало по-настоящему страшно. Я изо всех сил дернулась назад, но Тибриус, хоть и был пьян, успел перехватить меня за плечи и притянуть к себе. Пузырек упал, покатился по полу и тут же был кем-то с хрустом раздавлен.

– Нет, пусти! – крикнула я, изо всех сил упираясь в грудь Тибриусу, который веселился от души.

– Ну-ка, дай на тебя посмотреть! – Он заржал. – А руки-то, руки! Друзья, перед нами экземпляр, который всю жизнь провел в свинарнике.

Страх… парализовал, лишая воли. Как бороться? Кого звать? А если… если они в самом деле выполнят то, о чем говорят?

Я зажмурилась, слезы брызнули из глаз.

– Отпусти…те, пожалуйста, отпустите меня, господин!

Я почувствовала, как руки Тибриуса шарят по моему телу, как он притянул меня к себе, словно паук муху. Надо было что-то делать, а я… не знала что. В какой-то миг губы несостоявшегося герцога, отвратительно липкие, пропахшие вином, впились в мои. И тут меня накрыло таким необоримым ужасом, что я… сама не

знаю, как это получилось. Резко согнула ногу в колене и ударила. Не знаю, куда именно попала, но, судя по сдавленному шипению Тибриуса, куда надо. Он меня выпустил и стал медленно сгибаться пополам. А я… словно меня кто-то толкал. Я изо всех сил боднула его лбом. Кажется, в переносицу. И, почувствовав себя свободной, рванула прочь.

– Ах ты… – неслось из-за спины. – Держите ее!.. Хватайте!

И я побежала.

Изо всех сил, как только могла, учитывая собственное плачевное состояние. Страх никуда не делся, и чувство было такое, словно я в собственном кошмаре, пытаюсь убегать, а ноги вязнут в липкой патоке, и каждый шаг все тяжелее и тяжелее, а шум погони нарастает… И они так близко, пьяные, хохочущие, и на людей-то мало похожие.

Задыхаясь, я все-таки немного оторвалась, нырнула в темный закуток, пропахший плесенью и мышами, привалилась спиной к холодной стене. Накатывало отчаяние. Прячься не прячься, все равно найдут. Что делать?

Голоса, звуки шагов… совсем близко.

Я облизнула пересохшие губы.

Что делать?

Ноги тряслись и подгибались, убежать не смогу. Перед глазами прыгали серые мошки, я закусила кулак, чтобы мерзавцы не услышали мое хриплое дыхание.

«Мамочка…»

Вжалась в стену, как будто она могла меня спасти. И не сдержала крика, когда поняла, что моя спина куда-то проваливается, вместе с каменной кладкой.

Скрежет старого механизма.

Меня прокрутило вместе со стеной, что-то щелкнуло, заскрипело…

И стихло. Я осталась стоять в совершенной темноте, хватая ртом застоявшийся воздух.

* * *

Несколько мгновений я просто стояла и таращилась в темноту. Вязкий, липкий страх опутал все тело, лишая способности двигаться и соображать. Он и похож был на ту кровавую паутину, стянул путами руки и ноги, казалось, еще чуть-чуть, и я просто упаду и умру. Сердце колотилось где-то у самого горла, было душно и… так темно, до тошноты, когда взгляд ищет хоть крошечный проблеск света – но не находит.

Едва соображая, что делаю, я всем телом надавила на стену, потом развернулась, заколотила в каменную кладку руками. Уж лучше быть изнасилованной, чем замурованной заживо.

– Помоги-и-ите!

Даже кричать громко не получалось, так, жалкое мяуканье. Горло сжалось в спазме.

– Помогите! Кто-нибудь…

На мгновение померещились голоса за стеной, я воспрянула, попыталась толкнуть стену в том месте, где она провернулась… Все бесполезно. Я была совершенно одна в тихой липкой тьме. Сползла по стене вниз, уселась на пол, все еще надеясь… на что? Хотя бы на легкий сквозняк, тогда стало бы ясно, что где-то здесь есть выход… и я бы…

Пульс грохотал в висках. Что делать? Куда идти? Или не идти, оставаться на месте и кричать что есть мочи? Но кто меня будет искать? Может быть, спустя десять лет найдут мой скелет, наряженный в серое платье…

От мыслей о скорой смерти я почему-то начала успокаиваться. Интересно, а что меня ждет там, на другом берегу? Может быть, кто-то из моих предков? Настоящих… Посмотреть на них было бы любопытно. Хотя думать о том, что моя

настоящая мать умерла, тоже не хотелось. Пусть прекрасная и несчастная принцесса с золотистыми локонами будет все еще жива и коротает свой век в каком-нибудь богатом замке, вспоминая ребенка, потерянного давным-давно… Я всхлипнула, вытерла слезы. Прислушалась. Нет, ничего не менялось. Ни сквознячка, ни проблеска света. Похоже, я заперта в каменном мешке, откуда действительно нет выхода.

Я все же поднялась на ноги и, не отрывая ладоней от стены, начала боком двигаться вправо. Уж не знаю зачем. Возможно, потому, что просто сидеть и ждать смерти было невыносимо. Или потому, что хотелось понять, насколько велика камера, куда меня угораздило провалиться.

Шаг. Второй. Под пальцами все тот же холодный и гладкий камень. Третий шаг. Четвертый. Маленькие шажки вдоль стены… Пальцы наткнулись на препятствие, похожее на короткую металлическую палку, торчащую из камня. Сердце замерло на миг, потом пустилось в пляс. Не знаю, как догадалась, – но пошевелила эту палку, и она поддалась, с громким щелчком опустилась вниз.

Снова в толще стен что-то заскрежетало, заскрипело. Если это древний механизм, удивительно, как он работает до сих пор. Я вертела головой, пытаясь найти перемены. Кажется, что-то медленно проворачивалось высоко надо мной, что-то большое, громоздкое. Меня потом прошибло. А вдруг это какой-нибудь механический пресс, один из тех, какими давят масло, а здесь он исключительно для того, чтобы давить таких вот, как я?

Но нет. Наверху продолжало скрежетать, а потом…

Я увидела свет. Тот самый свет заката, который видела и в лекарской. Свет как будто опускался сверху, постепенно выхватывая из темноты мрачные серые стены, давая возможность осмотреться…

Я охнула и облизнула пересохшие губы.

А закатное зарево, пойманное где-то вверху хитрой системой зеркал, уже заполонило комнату – явно жилую, – и я озиралась по сторонам, не понимая, почему и для кого ее спрятали в толще каменных стен.

Конечно, здесь все заросло пылью и лохмотьями паутины, но когда-то это была богато убранная комната. Не спальня, скорее кабинет. В центре стоял массивный стол, уставленный склянками, бутылками, какими-то коробками – прямо как в лекарской. А дальше, у стен, стеллажи с книгами, я никогда не видела столько книг разом. И еще кое-что интересное: высокая подставка, на которой покоился деревянный сундучок.

Я вдохнула поглубже, пытаясь успокоиться.

Все это, конечно, хорошо: раз раньше здесь жили, то сюда можно войти и выйти. Значит, я не умру от голода и жажды.

Зеркала вверху давали пока что достаточно света, но нужно поторопиться, чтобы найти выход до того, как наступит ночь.

Я отлепилась от стены, шагнула ближе к столу, еще раз осмотрелась и вздохнула с облегчением: из стены напротив торчал еще один рычаг, и рядом с ним камни были выложены таким образом, что обрисовывали дверной проем. Наверное, выход?

Заторопившись, я бросилась к нему, но все-таки не удержалась и остановилась рядом с сундучком. Не то чтобы я большая любительница рыться в чужих вещах, но почему-то сундучок так и манил – искусной резьбой, завитки которой угадывались под слоем пыли, округлыми боками… А если там деньги? Я закусила губу. Нет, ничего брать не буду. Не нужно мне чужое богатство, тем более из такого странного места. Но заглянуть все же хотелось, очень. И я аккуратно подняла крышку, сундучок оказался не заперт.

В багряном свете заката я увидела небольшой, с ладонь, эмалевый портрет девушки в бронзовой рамке тонкой работы, с завитками и цветочками. У нее были роскошные пепельно-русые волосы, заплетенные в косы и красиво уложенные на голове наподобие короны. Личико – прекрасное и правильное, почти как у дорогой фарфоровой куколки. И серые большие глаза в темных ресницах.

Я моргнула. Возникло нехорошее чувство, что эта нежная куколка внимательно смотрит на меня с портрета. Слишком внимательно для нарисованной особы. По позвоночнику потянуло неприятным холодком, я быстро обернулась, чувствуя на

себе незлой, но очень внимательный взгляд… Никого. Возможно, какой-нибудь дух сейчас обратил на меня свое внимание?

Положив портрет обратно, я аккуратно закрыла сундучок, отряхнула пальцы и двинулась к рычагу, который должен открыть выход. Уже обходя стол, наступила на что-то маленькое и округлое. Шарик на длинной цепочке, размером с ноготь большого пальца. Я стерла с него пыль, посмотрела на свет. Да, прозрачный шарик, как будто выточенный из куска горного хрусталя. Но внутри… Такого я тоже еще никогда не видела. Неведомым образом внутрь оказался заключен крошечный домик. Совсем малюсенький, но при этом с яркой черепичной крышей, с оконцами, с дверью и даже с клумбами, на которых алыми звездочками цвели пышные розы. Я растерялась. Потерла найденное сокровище рукавом. Во имя Всех, кому это могло принадлежать? Чья это комната?

Невольно вспомнилась сказка о спящей принцессе, проклятой и уснувшей.

Но здесь не было принцессы. Да и вряд ли она стала бы хранить свой портрет в сундучке.

А если принц, то где он сам?

И зачем принцу вот такая безделушка, этот крошечный дом, заточенный в хрустале?

Я еще раз посмотрела на шарик, и почему-то так сладко потянуло в груди… Внезапно захотелось, чтобы и у меня когда-нибудь появился вот такой уютный, свой собственный домик. Я бы ухаживала за розами, а по утрам бы готовила завтрак… Себе, а не матушке и моим названым брату и сестре. Тоска по несбыточному простому счастью больно цеплялась где-то под ребрами, распускала во все стороны колючие усики вьюнка, а я… все еще рассматривала хрустальный шарик.

По-хорошему, мне следовало торопиться. Оставить все здесь, уходить, вернуться к себе в комнату. Поди, Габриэль волнуется.

Но этот маленький домик… Он казался таким одиноким, потерянным и никому не нужным. Жалость кольнула сердце, и было непонятно, кого мне жаль больше – игрушку в хрустальном шарике или себя, с такой же потерянной, выброшенной

кем-то и когда-то судьбой.

Поколебавшись несколько мгновений, я все же сунула шарик в карман передника и теперь уже почти бегом кинулась к рычагу.

Он легко поддался, в стене что-то заскрежетало, и часть кладки начала проваливаться вперед. Дверь проворачивалась вокруг своей оси, и я нырнула в открывшийся лаз, чтобы успеть.

Но в самый последний миг я услышала грохот и треск в тайной комнате. Обернувшись, успела увидеть, что сундучок с портретом внезапно разлетелся в щепки – как будто страшная и неведомая сила раздавила его, вкладывая в удар всю ярость, всю тоску и боль.

…И все закончилось. Меня вынесло в сумрачный и тихий коридор. Я выдохнула, вытерла пот со лба. И едва не подскочила на месте, услышав:

– Ильса? Что ты здесь делаешь?

* * *

Я не сразу сообразила, кому мог принадлежать этот голос. Наверное, меня перекосило от ужаса, когда я поворачивалась, потому что Альберт – а это был он – лишь криво усмехнулся и покачал головой.

– Испугалась? Брось, я тебе ничего дурного не сделаю.

Он подходил все ближе, вылился из сумрака, хотя, надо признать, был одет так, чтобы в потемках его и вовсе не заметили: в черную шелковую рубашку и черные узкие штаны. Светлые волосы спрятаны под темный платок, повязанный на морской манер, и такой же платок свободно болтался на шее – готова поклясться, что под ним он прятал лицо, оставляя лишь глаза, непроницаемо-черные и опасные.

– Как ты здесь оказалась? – мягко спросил он, останавливаясь в шаге от меня.

Меня немного трясло, мысли путались. Что ему сказать? Следует ли рассказывать про тайную комнату? Про сундучок, портрет девушки и крошечный домик, который я зачем-то положила себе в карман? Или о том, что мне стало дурно на собеседовании и я некоторое время провела на койке в лекарской?

– Ильса, – мягкий… обманчиво-мягкий голос обволакивал и подчинял, – что случилось? Ты как будто сама не своя.

– Я… заблудилась, – промямлила я, стараясь не отводить взгляд.

Альберт пока что не сделал мне ничего плохого, но, но… А что сам он делает в этом месте и в таком виде?

– Ты как будто из стены вывалилась. – Он согнул руку в локте. – Идем, я провожу тебя до женского крыла, а ты мне пока расскажешь, что произошло. Я уже слышал, что тебе стало плохо на собеседовании, говорят, у тебя невероятная чувствительность к тропам.

– К тропам?

– Ну да. Которые ведут к тем, кого Сонная немочь заманила в Долину Сна. Так что произошло? И как это ты оказалась в совершенно пустом коридоре, м-м?

Я несмело положила ладонь на его предплечье. Рука под тонким шелком оказалась горячей и жесткой, перевитой мышцами. Интересно, чем они там занимались, в этой Школе Парящих?

И мы неторопливо пошли вперед. Куда – сама не знаю. Оставалось только надеяться, что Альберт меня не обманул, когда пообещал довести до нужного крыла.

– Я возвращалась из лекарской, – тихо призналась я, – наткнулась на ар Мориша с компанией, ну и… они были навеселе, изрядно. Погнались за мной, я убегала. А потом попала в тупик, и стена как будто провернулась. Так я оказалась здесь.

Хорошо, что не нужно было смотреть в глаза Альберту. Я совершенно не умела лгать, краснела, начинала часто моргать и тереть кончик носа. К счастью, мы

просто шли под ручку, и он не заметил моего волнения.

– Дурак, – беззлобно прокомментировал Альберт. – Не ходи одна, Ильса. Этот ар Мориш – надутый индюк и злопамятная сволочь. Он никак не может простить мирозданию, что не быть ему герцогом, вот и бесится. Ну а на ком ему отыграться? Понятное дело, что на беззащитной девушке.

– Я ему нос расквасила, – не удержавшись, похвасталась я, а на языке так и вертелось: что ты здесь делаешь, Альберт? Что ищешь в коридорах замка Бреннен?

Но, понятное дело, я ничего не спросила. Поворачиваясь к Альберту, я видела только застывшую часть его лица, и она меня пугала. Было что-то дикое и одновременно властное в такой странной неподвижности, и от осознания этого в животе становилось щекотно: так, как будто я собираюсь сделать какую-нибудь гадость матушке, за что буду непременно наказана.

– Знаешь, – вдруг сказал он, – когда ты отмылась и переоделась, ты премило выглядишь.

И умолк, искоса на меня поглядывая. А я не знала, что ответить. Мне такого раньше не говорили.

– Если тебе захочется прогуляться вечером, зови меня, – посоветовал он. – Если я буду с тобой, ар Мориш и его припевалы не посмеют и слова дурного сказать.

– Спасибо.

Я вконец смутилась. Что это было? Приглашение на свидание? Или Альберт решил сам потискать хорошенькую крестьянку?

– Почему тебе стало плохо? – Ему явно хотелось поговорить.

Я пожала плечами.

– Ленточка. Я взяла в руки обрывок ленточки, которая, как мне потом сказал наставник Брист, принадлежала одной девушке. Она… заблудилась в Долине

Сна.

– Так тебе дали ленточку Флавии, наверное, – предположил Альберт.

– А кто это?

– Ну конечно же, ты не знаешь. Хотя это известная история.

Я скривилась.

– Мне мои свинки ее не рассказывали.

– Понятное дело.

Судя по интонации, он улыбнулся, но с моей стороны по-прежнему была видна неподвижная половина лица.

– Не сердись, я тебе расскажу. Лет двести… Или даже триста тому назад замок Бреннен принадлежал брату и сестре, близнецам. Они оба родились очень одаренными, дух Пробуждения оставил в них изрядную частицу себя, как это принято говорить, и оба они были сноходцами. Вообще, замок Бреннен и здешняя школа сноходцев – это их идея. Они даже пытались придумать, как закрыть наш мир от Сонной немочи, но… Случилось так, что Флавия, похоже, переоценила свои силы и застряла в Долине. А потом исчез и ее брат. Всякое рассказывают. Я слышал, что он сошел с ума оттого, что чувствовал себя виноватым перед сестрой. А еще слышал, что он ушел следом за ней, да так там и остался… Многие, правда, считают, что его прибрала Сонная немочь, и его куколка так и лежит где-то в Бреннене, в одной из тайных комнат.

– Жуть какая, – невольно пробормотала я.

А сама подумала о том эмалевом портрете невероятно красивой девушки. А вдруг то была Флавия? Вдруг… она до сих пор жива?

Мотнула невольно головой. Нет, нет. Триста лет. Такого просто не бывает.

– Жуть, да, – согласился Альберт. – Скажи мне, а кто здесь в лекарской всем заправляет?

– Фелиция, – ответила я.

И невольно передернулась, вспомнив звонкий моложавый голос лекарши, так странно сочетавшийся со взглядом мясника.

– Что, мерзкая бабенка?

Альберт удивительным образом почувствовал мой испуг.

– Не знаю…

Наверное, мне все это примерещилось, и Фелиция на самом деле была милой дамой, о которой я почему-то дурно подумала.

– Ну и ладно, – проговорил он. – Вот мы и пришли.

Оказывается, мы на удивление быстро добрались до той самой лестницы, поворот которой вел на женскую половину.

Альберт выпустил мою руку и галантно поклонился. Так непривычно…

– Доброй ночи, Ильса. И, пожалуйста, не броди по замку одна. Если не хочешь прогуливаться со мной, бери Габриэль. Она – аристократка, у ар Мориша кишка тонка сделать какую-нибудь гадость равной себе по происхождению.

– Спасибо, – я невольно склонила голову.

Привычным было бы поклониться, но… вроде бы не положено здесь?

Потом откуда-то снизу донеслись голоса, Альберт торопливо сдернул с головы платок, махнул мне рукой.

– Иди, иди! Не надо, чтоб нас видели! – это уже торопливым шепотом.

Он резко повернулся и ушел в полумрак «мужской половины». Его силуэт еще пару раз мелькнул в неверном свете факелов и исчез. А я бегом рванула в «дамское» крыло.

…Успела. Ни меня, ни Альберта, похоже, никто не заметил. Я выдохнула, расправила подол и открыла дверь в нашу с Габриэль комнату.

– Ильса! – Оказывается, она еще не спала, но уже лежала в кровати. Рядом, на тумбочке, горели три свечи в подсвечнике, Габриэль читала. Пока мы с Альбертом шли, солнце село, и за окном было темно.

Едва меня завидев, она всполошилась, отбросила пухленький томик и села.

– Что случилось?

Пришлось и Габриэль рассказать. Не все, конечно. Отчего-то про тайную комнату я умолчала, хотя Габриэль пока что была моей единственной подругой. И про домик в хрустале тоже ничего не сказала. В основном говорила о том, как проходило собеседование (и тут уж ничего не скрыла), и о том, как потом бежала от ар Мориша и его прихлебателей.

– Ну и козел, – хмуро сказала Габриэль. – Я вот не пойму, он действительно собирался?..

Я устало села на свою кровать и принялась расшнуровывать бока платья.

– Не знаю. Может быть. Я ведь никто, понимаешь? Если бы не успела убежать… Кому бы я пошла жаловаться?

– Наставнику, конечно.

Габриэль принялась расхаживать по комнате, шлепая по камню подошвами домашних туфелек.

– Думаю, что ему и надо об этом рассказать. А что, если в следующий раз они тебя догонят?

– Я потом Альберта встретила, – все же сказала я. – Он советовал нигде одной не бродить.

– И то правда. – Габриэль задумчиво теребила оборку на сорочке. – Да, вот. Совсем забыла. Пока тебя не было, нам принесли еды.

И кивнула в сторону единственного в комнате стола.

Потом, опьянев от непривычной сытости, обсудив с Габриэль, как отвратительно было бы ей выйти замуж за того старикашку, посетив уборную и умывшись, я забралась в кровать, в совершенно чистую постель. Льняные простыни даже немного царапались, такими новыми они были. И одеяло – толстое, шерстяное, добротное. Я забралась под него по самый нос, свернулась калачиком. Усталость брала свое. Уже совсем сонная, я протянула руку к платью, которое развесила на спинке стула, сквозь ткань нащупала в кармане передника хрустальный шарик. Он приятно холодил пальцы, почему-то внушая чувство покоя и безмятежности.

Но слишком много всего случилось за день. Вероятно, именно поэтому всю ночь мне снились какие-то мутные и неприятные сны, полные кровавой паутины, багрового тумана и тьмы. А напоследок я увидела себя бредущей по аккуратной дорожке к уютному домику с яркой черепичной крышей. Да, я не могла ошибиться. Тот самый домишко из хрустального шарика. И даже цвет роз такой же, глубокий бордовый. Я остановилась на пороге, сердце пойманной птицей билось в груди. Подняла руку и толкнула шершавую на ощупь дверь. Там, в домике, кто-то был.

Глава 3

Первые уроки замка Бреннен

Я привыкла просыпаться рано, поэтому, едва только за окном забрезжил рассвет, подскочила на кровати. В мыслях царил сумбур. Мне казалось, что нужно бежать доить корову, задавать корм свинкам, собирать из-под несушек теплые, с налипшими перьями яйца… Несколько мгновений я вертела головой, пытаясь сообразить, куда попала и что происходит, и наконец вспомнила.

Я все еще находилась в замке Бреннен, в том самом страшном замке, где меня должны были выпотрошить и набить соломой, однако пока не сделали ни того, ни другого.

Габриэль еще спала, зарывшись в теплое одеяло по самую макушку, и я, подумав, что до занятий еще времени довольно, тихонько оделась, взяла зубную щетку, порошок и полотенце и на цыпочках выскользнула в коридор. Там царил сонный сумрак. Факелы догорели, и единственным источником света служило стрельчатое окно в самом конце коридора, где он упирался во внешнюю стену. У окна располагалась и уборная, в которой мы с Габриэль вчера умывались перед сном. Надо сказать, обустройство этого помещения меня удивило: в деревне-то все было по-иному. Никаких вам кабинок, никакого мрамора, старого, местами в трещинах. И умывальники здесь тоже невероятные: широкие, в размах рук, и из латунных труб, если покрутить специальный рычажок, течет теплая вода. А на стенах висят старинные мутноватые зеркала.

Перекинув через плечо полотенце, я принялась старательно чистить зубы, уже привыкла к тому, что порошок мятный на вкус и немножко щиплет язык. Поглядывая в зеркало, я видела прилично одетую девушку, синеглазую и черноволосую. Никогда не скажешь, что еще два дня назад я таскала ведра с помоями, стирала на всю семью, штопала, мыла, полола, рыхлила… Только руки пока что красноречиво напоминали о прошлом, покрасневшие, в трещинах и ссадинах. Я невольно сравнила их с руками той же Габриэль и вздохнула. Нет, я тут никому не ровня. Даже грамоте не обучена. Хотя вон Альберт ко мне вроде бы неплохо относится…

Я оставила на умывальнике полотенце и коробку с зубной щеткой, а сама двинулась в ту часть уборной, где кабинки. Здесь царил сумрак, свет падал исключительно из высокого витражного окна над умывальниками. И вот в этом-то свете, сером и скучном, я увидела блестящую лужу, что расползлась темной кляксой в одной из кабинок.

Перед глазами на миг помутилось, и резко затошнило, так, что я не выдержала, перегнулась пополам…

Я… я ведь частенько наблюдала, как режут свиней. Как кровь сливают в ведро, чтобы потом наделать вкуснейшей колбасы. И если случайно, упаси духи, споткнуться и расплескать это ведро, получается такая же лужа.

В замке Бреннен, в женской уборной, не должно быть свиней, это я точно знала.

И, словно кто-то меня толкал в спину, задыхаясь, я все ближе и ближе подходила к кабинке. Приоткрытая дверь чуть заметно шевелилась и поскрипывала на легком сквозняке. И эта жуткая, словно кем-то специально нарисованная лужа. И тяжелый, железистый запах крови, от которого буквально выворачивает.

Подвывая от ужаса, я заставила себя это сделать: толкнула дверь и заглянула внутрь.

Там, сбоку от мраморного сиденья, где полагалось справлять нужду, прислонившись спиной к стене, застыла незнакомая мне девушка. У нее было совершенно белое лицо, искаженное ужасом, и остекленевший взгляд. Под подбородком все промокло, все в крови… И кровь пропитала ее нарядное платье, стекла вниз и собралась в лужу на белом мраморном полу.

Отшатнувшись, я попятилась. Сперва медленно, на подгибающихся ногах, потом быстрее и быстрее. Я едва могла дышать, грудь словно распирало изнутри стремительно распухающим пузырем. Как же так? Почему?

Едва соображая, что делаю, я жахнула дверью уборной о косяк и понеслась по коридору, прочь от этого кошмара, от неведомо кем убитой девушки. Надо было… кого-то позвать, но я не знала, кого. А в голове тоненько зудела одна-единственная мысль: Альберт бродит по коридорам замка, Альберт не хочет, чтоб его заметили… Возможно, это он?.. Ведь кто-то перерезал той девушке горло, как будто она была свиньей, подвешенной над ведром?

Вылетев на общую лестницу, я заозиралась по сторонам. Куда бежать? Кого и где искать?

Потом – быстрее и быстрее, вниз, по ступенькам. Ведь там, внизу, охрана. Кто-то же должен быть? Ну хоть кто-нибудь?

И едва не свалилась с лестницы, завидев в нижней галерее мастера Бриста.

– Эй! – завопила во всю силу легких.

Мужчина, услышав мой вопль, оглянулся. Даже брови приподнял в изумлении.

– Мас… тер Брист! – Я подхватила юбки, дыхание сбивалось, но добежала до него.

– Что такое, Ильсара? – холодно поинтересовался он. – Что вам не спится в такую рань?

– Там… там…

– Что?!

Он словно почувствовал, что я уже не в состоянии говорить. Вцепился мне в плечи, несколько раз тряхнул.

– Да чтоб вас… говорите! Не молчите!

– Там… – И внезапно слезы хлынули из глаз, и я разрыдалась в полный голос. – Там… девушка… убитая-а-а-а… В… уборной.

Он несколько мгновений смотрел на меня совершенно безумным взглядом, а затем… Я почему-то думала, что он меня бросит здесь, в этом сумрачном коридоре, но наставник попросту перебросил ревущую меня через плечо и широким шагом двинулся вперед.

– Тише, тихо-тихо!

Я едва понимала, что он говорит. А он все тащил меня вверх по лестнице, и я видела широкие каменные ступени, отполированные сотнями подошв.

– Ильса! – Все вокруг меня снова крутанулось, и Брист резко поставил меня на ноги. Оказалось, что я уже около нашей с Габриэль комнаты.

– Посмотри на меня, ну?

Уставилась в темные глаза наставника, хотя все плыло и кружилось.

Он стиснул мое лицо в ладонях.

– Успокойся. Успокойся, тебе уже ничего не угрожает, слышишь меня? Сейчас ты вернешься в постель и будешь там лежать, пока вас с Габриэль не позовут на завтрак. Поняла?

Задыхаясь и всхлипывая, я кивнула.

Ноги не держали. Я вцепилась в руки наставника и попросту повисла на нем, словно из меня разом вынули все кости.

– Ильса-а-а, – выдохнул он, – пожалуйста. Дойди сама до кровати. Пожалуйста.

– Девушка… – Я заглянула ему в глаза. – Кто ее?..

Он дернул щекой.

– Не знаю. Но в любом случае сейчас твое место – в комнате. Понятно?

Я торопливо закивала. А мастер Брист, придерживая под локоть, распахнул дверь и буквально затолкал меня внутрь.

– И Габриэль пусть не выходит, – бросил напоследок. – Будем разбираться.

Он ушел. А я съехала по стенке на пол и разрыдалась. Перед глазами все еще стояло жуткое лицо той девушки, испуганное и одновременно застывшее в вечности. За что ее… так?

– Ильса? Что с тобой? – Мягкие руки Габриэль обняли за плечи.

Она опустилась рядом на колени, испуганно заглядывая в глаза.

– Это ар Мориш? Или кто? Кто тебя обидел?

– Нет, – я размазывала слезы по щекам, – нет… Габ… там девушку убили.

* * *

На завтрак нас все же позвали. К тому времени я немного успокоилась и хотя бы не ревела навзрыд, но веки все равно были опухшими и красными, а глаза пекло. У меня такое и раньше случалось, когда много и долго плакала.

В трапезной было людно. Оказалось, что будущих сноходцев набралось столько, что все скамьи вдоль широких столов были заняты. Охрана прохаживалась у окон и дверей, меж столов суетились подавальщицы с подносами. А в самом конце зала стоял, заложив руки за спину, блондин с кровавыми глазами, Кодеус Клайс. Высокий и широкоплечий, он был облачен в черный бархат, ни проблеска, и я невольно залюбовалась, как совершенно белые, почти серебристые волосы волной легли на плечи. Пошарив глазами по залу, я заметила и наставника Бриста, который что-то горячо обсуждал с мастером привязки, Гвейлой Шиниас, и братья Шезми тоже беседовали, стоя в противоположном углу, их я нашла легко – кроме них, рыжих не было.

И все казалось совершенно обыденным. Ни паники на лицах, ни перешептываний. Я невольно покачала головой, подумав, что наставники могли пока и не сообщать об убийстве, сделать это после завтрака. Что ж, наверное, так правильно. К чему пугать учеников?

Девушки завтракали отдельно от парней, Габриэль решительно потащила меня на женскую половину, но я все-таки ухитрилась выхватить взглядом и Альберта, и ар Мориша. Они сидели порознь: ар Мориш – в окружении тех же припевал, которые гнались за мной вчера, а Альберт – с краю, на отшибе. Было видно, что он один и даже не пытается ни с кем завязать знакомство. А может быть, его неподвижная половина лица отпугивала желающих подружиться. Он ведь и в самом деле улыбался так, что мурашки по всему телу и неприятный холодок в животе, словно маленькая ледышка. Еще один взгляд в сторону ар Мориша, и я поняла, что его герцогство меня тоже заметил, скривился, словно гадость разжевал. Нос у него был изрядно распухшим и походил на молодую розовую картофелинку, а под глазами растекся черный фингал.

«Так тебе и надо», – позлорадствовала я. Вспомнила, как он меня хватал своими мерзкими руками, и невольно передернулась.

Ар Мориш быстро огляделся и показал мне неприличный жест.

– Да идем же, – шикнула Габриэль, тем самым прерывая нашу молчаливую перебранку.

Но я не удержалась и вернула тот же жест его герцогству, да еще и язык показала. А потом, гордо выпрямив спину, словно королева, прошествовала за Габриэль к свободным местам.

Завтрак оказался превосходным. Давали овсяную кашу, сваренную на молоке, с солнечно-желтым кусочком масла, белую булку, присыпанную маком, и большую кружку сладкого компота из ревеня. Вспоминая, как давилась по утрам вчерашними объедками, я быстро подобрала все до крошки. И – да. Утренние волнения мне не помешали. Я ведь привыкла, что есть надо в любой ситуации, потому что неведомо, когда нормально покормят следующий раз. Расправившись со своей порцией, я посмотрела на Габриэль, которая уныло ковырялась ложкой в тарелке. Она наморщила носик, посмотрела на меня печальными глазами обиженной лани.

– Я к такому не привыкла, – прошептала подруга. – Дома на завтрак всегда подавали яйца всмятку, ветчину, выпечку… Наша повариха такие пирожки всегда делала, просто прекрасные. С вареньем и с засахаренными лимонами… А не вот это все.

– Если ты не будешь, то я доем, – тут же вмешалась девушка, которая сидела рядом с ней.

Она наклонилась к столу, заглядывая в лицо Габриэль, и я увидела довольную округлую физиономию, хитрые глубоко посаженные глаза, брови домиком и маслянисто блестящие полные губы. Волосы у этой девушки были темно-каштановыми, гладко зачесанными и заплетенными в тонкие косички – мышиные хвостики.

– Меня зовут Аделаида, – с достоинством представилась она. – Так что, можно я твою порцию съем? Ну, если ты не хочешь?

Габриэль вздохнула и подвинула свою тарелку новой знакомой, а я решила, что в следующий раз сама съем порцию соседки. У матушки жила впроголодь, мне постоянно хотелось есть. А вдруг здесь на обед что-нибудь вкусненькое приготовят?

– Если что, – значительно сказала Аделаида, – я была соседкой бедняжки Мелли. Ну, той, которую убили. Об этом, правда, еще не все знают, но, думаю, скоро новость разнесется по замку.

И бодро застучала ложкой по тарелке.

Габриэль поглядела на нее осуждающе, затем обхватила тонкими аристократическими пальцами кружку и принялась пить компот. А я… смутилась почему-то. Неужели здесь убийство – настолько обыденное дело, что Аделаида так спокойно об этом говорит?

– Тебе ее не жаль, твою соседку? – спросила я.

Аделаида глянула на меня совершенно нечитаемым взглядом и пожала плечами.

– Жаль, конечно, но не сильно. Да и вряд ли кто ее вообще пожалеет. Стерва та еще была. Возомнила, что у нее любовь с Клайсом… Да-да, не смотри на меня так, и такие дуры бывают. Ну и, понимаешь ли, после этого мы все были все равно что пыль у нее под ногами. А еще Энне-аш отметил ее не абы как. Дар был ну о-очень сильный. Ну и… в общем, корона ей не жала, этой Мелли.

– Так ведь… – Я запнулась и исподтишка покосилась в сторону главы замка Бреннен.

Кодеус Клайс спокойно прохаживался вдоль столов, наблюдая за воспитанниками. Если не брать в расчет красноватые отблески в глазах, весьма интересный мужчина, высокий, статный. И волосы эти точно лунная дорожка на водной глади…

Но сказанное Аделаидой звучало более чем странно. Я попыталась представить мастера Клайса и ту девушку вместе – и не получилось. Она – так себе, пигалица, ученица в сером платьице. А он? Он – тут самый главный. Несуразно как-то это выглядело.

– У них что, и правда любовь была? – все же не удержалась я.

– Возможно, – согласилась Аделаида, – но, понимаешь ли, даже если ты спишь с главой замка, это не повод плевать на всех остальных. А Клайс – он вообще, говорят, женщин любит. Всяких. Разных. Может себе позволить. И вряд ли он что серьезное думал закрутить с нашей Мелли. Так, развлечься немного – и все.

Я примолкла и поняла, что краснею.

Как-то… о таких вещах никогда не говорили вот так, в открытую, в деревне.

Перешептывались на лавках, да. Но чтобы так?

Тем временем Аделаида покончила с кашей Габриэль и весело подмигнула.

– Спасибо. Вот теперь я не голодная. Заходите в гости, как время будет. У меня комната как раз напротив той самой уборной. И я теперь одна там живу, пока никого новенького не привезли.

Завтрак заканчивался. На мужской половине многие поднимались и уходили прочь, куда-то ушли и рыжие братья, наверняка на занятия. Потом к выходу потянулась и Гвейла Шиниас, такая изысканная, в модном и дорогом платье, немного неуместная среди суровых стен Бреннена. Габриэль допила компот и выжидающе посмотрела на меня. Я же снова поискала взглядом его герцогство. Не хотелось бы с ним столкнуться.

Ар Мориша не было видно, и я решительно поднялась из-за стола.

– Ильсара?

Глаза Габриэль смешно округлились, когда она посмотрела за мою спину. Я тоже обернулась. Взгляд уперся в роскошный бархатный сюртук, скользнул выше, к бледному лицу и красноватым глазам. Подскочив, я неловко поклонилась, и Клайс нахмурился.

А я… я ведь не могла не поклониться главе замка.

Так было правильно, выразить свое почтение.

– Если вы позавтракали, – негромко сказал он, – то мне бы хотелось с вами побеседовать.

– Да, конечно. – Каждое слово давалось тяжело, царапало горло, и я откашлялась. – Конечно…

– Хорошо. Будьте любезны, следуйте за мной, – сказал мастер Клайс и, повернувшись, пошел прочь из зала.

– Ну вот, – фыркнула Аделаида, – новая жертва.

– Язык придержи, а? – оборвала ее Габриэль, вкладывая в слова все высокомерие, которому была обучена.

Я пожала плечами, развела руками – и посеменила следом за главой, стараясь не отставать и ловя спиной заинтересованные взгляды. В какой-то миг я все же обернулась и поняла, что за мной хмуро наблюдает мастер Брист, механически поглаживая коротко стриженные и почти седые волосы.

* * *

Кабинет Кодеуса Клайса располагался в одной из замковых башен, так что идти пришлось долго. Но за все время, пока я послушно брела за главой, рассматривая идеальные строчки на его бархатном сюртуке и серебряные с чернью пуговицы на хлястике и отворотах рукавов, он не сказал ни слова. Даже не оглянулся ни разу, словно не сомневался в том, что я иду следом.

Потом, когда мы поднялись по винтовой лестнице к темной от времени дубовой двери, он таки сподобился оглядеть меня сверху вниз и кивнул каким-то своим мыслям.

– Прошу, проходите.

И я вдруг услышала в его голосе усталость – ту, которую мы никогда никому не показываем, но которая копится годами, наваливается тяжестью могильной земли и тем самым навсегда отдаляет нас от духов.

Я молча шагнула через порог, с интересом осматриваясь.

Кабинет оказался довольно просторным и, занимая весь внешний угол башни, имел два арочных окна, забранных квадратными стеклами. Как раз между ними, так, чтоб всегда падал свет, расположился массивный письменный стол, заваленный бумагами и книгами. Там же стояли тяжелые подсвечники с оплывшими свечами. У стены расположилась узкая кушетка, где наверняка отдыхал иногда мастер Клайс, а перед столом стояло кресло, вероятно, для посетителей.

– Присаживайтесь, – он кивнул в сторону кресла, а сам, обойдя стол, уселся на стул.

Я осторожно опустилась на мягкое сиденье и принялась усердно рассматривать корешки книг. По ним вились золотистые письмена, но читать я не умела – а потому все, что оставалось, – это рассматривать плавные извивы букв. Смотреть в прозрачно-красноватые глаза Клайса я не решалась.

– Мастер Брист сказал мне, что вы нашли убитую, – спокойно начал он. Так спокойно, что я заподозрила Аделаиду в бессовестном вранье: ну разве может так спокойно говорить мужчина о гибели своей возлюбленной? Впрочем, Аделаида намекнула, что он мог и не любить ее.

Я кивнула.

– Да… мастер, все так.

– Будете кофе?

Этот совершенно будничный вопрос застал меня врасплох. Во-первых, я понятия не имела, что это такое, во?вторых, мне казалось более чем странным, что это предложил мне глава замка.

Поэтому я честно ответила:

– Я не знаю, что это, мастер Клайс.

– Понятно. – Кажется, он усмехнулся.

Подергал витой шнурок, уходящий в отверстие в потолке, и через некоторое время в дверях появилась служанка. Я рассеянно слушала, как мастер Клайс отдает ей распоряжения – что-то насчет сливок, сахара и печенья, – и все никак не могла понять, зачем он меня позвал.

Когда служанка удалилась, я с опаской взглянула на него. Все не могла привыкнуть к красноватым глазам.

– Я вас позвал для того, чтобы расспросить о найденной вами девушке, – предупреждая мой вопрос, сказал он, – а заодно для себя определиться с программой вашего обучения. Видите ли, учеба в замке Бреннен серьезная, а вы даже читать не умеете. Но начнем с сегодняшнего утра. Расскажите мне обо всем, что вы видели, когда пошли в уборную. Кстати, зачем вас туда понесло, в такую-то рань?

«А чего мастер Брист не спал, тоже в такую-то рань?» – подумалось мне, и по позвоночнику скользнул холодок страха.

Альберт шатается по ночам. Мастер Брист. Да любой из них мог убить Мелли. И точно так же любой может убить и меня, выходит?

– Я привыкла рано вставать, – ответила я. – Понимаете, в деревне все так рано поднимаются, работы много.

– Вот как. – Он сложил пальцы домиком. – Продолжайте.

– Ну… я пошла в уборную. И увидела лужу крови.

– И, конечно же, никаких следов?

Я только покачала головой.

– Никаких, мастер Клайс.

– Возможно, вы видели кого-нибудь в коридоре до этого?

«Альберта видела», – подумала я и тут же одернула себя. Нет, все же Альберт не из тех, кто будет резать глотки беззащитным девушкам. Он ко мне так хорошо отнесся. Ну и потом, с Альбертом мы встретились поздним вечером, а Мелли убили, похоже, ближе к утру.

– В нашем крыле – никого, мастер Клайс, – наконец ответила я.

– Понятно, – в его голосе слышалось разочарование. – Все как всегда. Никто ничего не видел.

Тут принесли то самое, что он назвал «кофе». Служанка поставила на стол поднос с двумя белоснежными чашечками и тарелочкой с румяно-золотистым печеньем, и по кабинету тут же поплыл незнакомый мне аромат. Клайс взял с подноса чашку, улыбнулся мне.

– Пробуйте, Ильсара… так ведь вас зовут, я правильно запомнил?

Окончательно смутившись, я взяла свою чашку и сделала маленький глоток. Вкус… был необычным, очень. Но напиток оказался сладким, с заметной горчинкой, довольно приятным на вкус.

И я осмелела.

– Мастер Клайс, вы думаете, что убийца – кто-то из вновь прибывших?

Он, глядя на меня поверх своей чашки, неопределенно пожал плечами.

– Не буду делать из этого большого секрета, Ильсара, убийство не первое. Примерно год назад было что-то подобное, вот так же – много крови, только… в мужской уборной. Видите ли, Мелинда Сарс была весьма одаренной девицей, дух Энне-аш оставил в ней изрядную часть себя самого. И точно так же год назад мы нашли убитым одного очень одаренного юношу. С перерезанным горлом и вырезанными на груди ритуальными орнаментами.

«Значит, точно не Альберт», – мелькнула мысль, и от этого на душе потеплело.

Но тогда… Я ведь встретила мастера Бриста слишком рано, когда еще замок спал. Что делать с этим?

– Вы… – Я сглотнула, и чашка задрожала в руках. – Вы подозреваете кого-то из наставников?

Клайс прищурился.

– Никого пока не могу заподозрить. Произошло только два убийства, которые, на первый взгляд, не связаны между собой. К тому же на теле Мелинды нет никаких узоров, возможно, кто-то спугнул убийцу. И если бы это был кто-то из наших… Возможно, убийства участились бы. А так… Я, конечно, запланировал беседу с учениками. В этот раз начал с вас.

Некоторое время мы молчали. Мне, несмотря на ситуацию, было любопытно попробовать печенье с тарелочки, но я не могла себя заставить взять хотя бы одно под тяжелым, изучающим взглядом главы. Поэтому я маленькими глотками пила кофе и ждала, когда он продолжит беседу.

– Я на вас смотрю и задаюсь вопросом: вы точно крестьянка? – вдруг мягко спросил Клайс.

– Не знаю, мастер. Меня подбросили.

– Понятно. – Он быстро взял перо, макнул в чернильницу и что-то черкнул на бумаге. – Ну и как вам кофе?

Продолжая записывать, он чуть заметно улыбался.

– Необычно, – честно ответила я.

– Вы понимаете, какая пропасть между вами и прочими учениками? – напрямую спросил Клайс.

Я посмотрела на его холеные руки с аккуратными ногтями и вздохнула.

Все я понимала. Тут, конечно, разные люди собрались, но вряд ли кого вот так вытаскивали из амбара, как меня.

– Дело не в происхождении, а в знаниях и общей картине мира, – спокойно произнес Клайс. – Вам придется много над собой работать, и было бы недурственно начать с грамоты. Дополнительные занятия будет давать мастер Брист, я его этим уже порадовал.

– Я буду стараться, – глухо ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Сегодня же, после занятий с мастером Шиниас, у вас будет два часа с наставником. Заниматься будете в библиотеке, – продолжил Клайс. – Ваша соседка по комнате получит полное расписание… Ну а вы, пока читать не научитесь, будете везде за ней ходить хвостиком. И – да, Ильсара. Ходите везде парой. Все происходящее прозрачно намекает на то, что убийца – один из обитателей замка, понимаете?

Я кивнула. Уж что-что, а это понятно. Шутка ли? Второе убийство.

Поставила на поднос опустевшую чашку и выжидающе глянула на Клайса.

– Если что, не стесняйтесь обратиться ко мне. Знаете, я вам добра желаю. Искренне, – добавил он тише.

Интересно, убитая и вправду была его любовницей?

Конечно, у главы очень необычная внешность, я никогда раньше не видела таких людей, настолько светлых, с совершенно белой кожей, прозрачными бровями и ресницами, да еще с красноватыми глазами. Но в целом… Хм, лицо у него… располагающее, что ли. Умное. В кабинете было светло, и я вдруг отчетливо увидела в вороте черной рубашки белесый шрам, пересекающий горло Клайса. Так, словно ему самому пытались отрезать голову.

Он же, перехватив мой взгляд, быстро поправил ворот, пряча шрам. Натянуто улыбнулся.

– Последствия встречи с хоршами. Не очень приятный вид, правда?

Затем, помолчав минутку, добавил:

– Кажется, я знаю, какую вам программу составить. Да и, собственно, было любопытно еще раз на вас посмотреть поближе. Похоже, мы в вашем лице заполучили себе потенциально очень сильного сноходца… Прочие и рядом с вами не стояли. Настойку от снов попросите у Фелиции, если она вам еще ее не дала… Фамилию себе придумали, кстати?

Я мотнула головой. Нет, не успела еще…

– Не забудьте. – Он со стуком поставил перо в чернильницу и откинулся на спинку стула. – Ну, все. Вы свободны, можете идти. Было приятно… побеседовать.

Не зная, что и думать, я поднялась под пристальным взглядом главы и двинулась к выходу. Вот это его «приятно побеседовать» – он всем это говорит? Или только меня решил своим вниманием удостоить? Так не нужно мне такое внимание, совсем не нужно…

– Печенье заберите, – сказал он вдруг. – Я вижу, что вам его хотелось съесть, но не решились. Иногда надо решаться, Ильса. Даже если принятое решение кажется не совсем правильным.

Чувствуя, что краснею, я быстро вернулась, собрала с тарелочки золотистые кружки песочного теста и сложила их в карман передника.

– Спасибо, мастер Клайс.

Мне… было неуютно под его тяжелым взглядом. Хотелось крикнуть: «Что ты хочешь во мне разглядеть?!» Но я, неуклюже поклонившись, повернулась и пошла прочь. Меж лопаток покалывало, Клайс так и прилип ко мне взглядом. Да что он во мне увидел, интересного-то?

Уже на пороге застыла, когда он бросил вдогонку:

– Настойку не забывайте принимать каждый вечер, Ильсара.

Настойку, которую растоптали пьяные придурки.

Я торопливо закивала и выскользнула прочь. Да, нужно снова идти в лекарскую и просить еще один пузырек. Но почему-то не хотелось. Я не понимала почему и не могла объяснить. Сама мысль встретить Фелицию казалась совершенно отвратительной, настолько, что перевешивала страх перед возможными последствиями отказа от настойки. И я не могла разобраться, то ли со мной что не так, то ли с лекаршей.

* * *

Занятия с мастером Шиниас начинались ровно в полдень, и это было замечательно, потому что мы с Габриэль успели переделать кучу важных дел: перебрать содержимое ее чемодана (при этом мне была подарена круглая стеклянная банка с мазью от трещин и мозолей), обсудить убийства, а заодно и Аделаиду, и возможный роман убитой Мелли с главой замка.

– Может, он ее и убил? – высказала предположение Габриэль, жуя одно из подаренных мне печений.

Я только руками развела. Если они были по-настоящему любовниками, то как такое возможно?

Но Габриэль искренне считала, что возможно. Пока я беседовала с Клайсом, она успела перекинуться парой слов с другими девушками, и выяснилось, что Мелли была из бедной семьи, а вот Кодеус Клайс – наоборот, очень богатым мужчиной, да ведь еще и главой замка Бреннен.

– Возможно, она просто зарвалась, – шептала Габриэль. – Ты, наверное, с таким прежде не сталкивалась, Иль. Но Мелли могла начать его шантажировать…

– Это как? – новые слова, все новое и непонятное.

– Это когда что-нибудь требуют в обмен на что-нибудь важное, – сварливо пояснила Габи, – например, м-м… Она могла сказать, что беременна, и требовать на ней жениться, и угрожать, что все узнают об их связи. А ему это было не нужно.

– А как же тогда убийство парня?

Габриэль запнулась. В самом деле, тогда получалось, что и парня убил мастер Клайс, и, возможно, парень занимался шантажом?

Все это выглядело невероятно. Но в одном мы сошлись: поодиночке по замку бродить не следовало, совсем.

Поэтому на занятие с мастером Гвейлой Шиниас мы отправились вдвоем, под ручку, как лучшие подруги. Габриэль внимательно сверялась с планом замка, который ей выдали вместе с расписанием, и так мы не спеша перешли в то крыло, которое казалось старым и заброшенным, то самое, где я, спасаясь от его герцогства, провалилась в тайную комнату. К слову, хрустальный шарик так и лежал на дне кармана. Мне жуть как хотелось его рассмотреть еще раз, но почему-то не возникало желания никому показывать, даже Габриэль. Начались бы расспросы, а все происшедшее в той странной комнате хотелось хранить в тайне от всех – как будто я сделала что-то очень некрасивое, сунула нос туда, куда не следовало…

Кабинет, где нам предстояло заниматься, нашелся легко. А там нас уже поджидали старые знакомые: Альберт и ар Мориш.

– Я этого не переживу, – капризно заявило герцогство, – снова свинарка. Я не хочу заниматься с ней в одной комнате.

«Однако руки распускал с превеликим удовольствием», – подумала я, но промолчала.

– Тибриус, – заметил Альберт, – нам бы следовало куда больше думать о нашем предназначении, чем о компании, которая тебе так не нравится. Да и, по мне, Ильсара – милая девушка, не стоит ее оскорблять.

Я посмотрела на него с благодарностью. После того как я перестала подозревать Альберта в убийстве, видеть его было приятно. К тому же он пришел мне на помощь, осадив аристократа.

Ар Мориш только фыркнул и отвернулся. Его идеальный аристократический нос все еще был распухшим, и кровоподтек под глазом никуда не делся.

– Ильса, – Альберт подошел к нам, – я слышал, с тобой утром беседовал мастер Клайс.

– Как же, беседовал, – встрял ар Мориш, – знаем мы эти беседы.

Альберт лишь отмахнулся и внимательно заглянул мне в глаза.

– Что он тебе говорил? Не поделишься?

– В основном о том, как много мне придется выучить, чтобы догнать всех вас, – ответила я, отпустив локоть Габриэль.

– А про убийство? Я уже слышал, что это ты нашла ту девушку…

Я насторожилась. Возможно, из-за лица Альберта, дружелюбного с одной стороны и совершенно застывшего с другой, но… Почему ему так интересно, что сказал Клайс об убийстве? Впрочем, особо скрывать было нечего, и я сказала:

– Это не первое убийство здесь. С год назад парня убили, точно так же. В уборной.

– Я так и думал, что тут бардак во всем, – процедило герцогство, гневно сверкая синими глазами.

Альберт обернулся, молча посмотрел на него. Потом, словно у него зародилась некая забавная мысль, уставился с кривой улыбкой на меня.

– Что? – Мне совершенно не понравилось это смешливо-задумчивое выражение в темных глазах.

– Ты…

Он продолжал криво улыбаться, но не успел договорить: по полу звонко застучали кожаные каблуки.

Мы разом обернулись: по коридору к нам плыла Гвейла Шиниас. Бледная, но с великолепно уложенными черными кудрями и в прекрасном бархатном платье цвета мха, я таких никогда не видела. Да и где мне их было видеть? Книг я в руках не держала, а в деревню нашу такие благородные дамы не заглядывали.

– Так, – весело сказала она. – Ну что, детки, идем учиться. Мы же хотим приносить пользу этому миру и получать за это приличное вознаграждение?

Как странно… Детки. Хотя здесь нам всем восемнадцать точно есть, а Альберт, возможно, даже постарше будет.

И мы пошли.

Я ожидала увидеть что-нибудь вроде класса в деревенской школе, куда мне очень хотелось ходить, но, естественно, никто не пустил, однако в просторной комнате нашелся лишь один большой круглый стол, вокруг которого был расставлен с десяток тяжелых стульев. Я постаралась занять место между Альбертом и Габриэль, так что получилось, что распухший нос ар Мориша оказался строго напротив, через стол. Вот оттуда гад и обжигал меня взглядом, грозя всеми возможными карами и неприятностями. Я вздохнула. Понятное дело, что вчерашняя встреча сделала нас врагами и исправить это невозможно.

Мастер Шиниас неторопливо обошла стол, оглядывая нас, почему-то остановилась за моей спиной.

– Ты устроила настоящее представление на собеседовании, – сказала она. – Мастер Клайс был впечатлен.

И как-то сразу неприятно стало. Она укоряла меня в том, в чем я вины не чувствовала. А еще… внезапно я услышала в ее голосе ревность. Как странно…

– Я тоже очень испугался за свою девушку, – вдруг подал голос Альберт.

От неожиданности я едва не подпрыгнула. Свою девушку? Это как? Зачем?

Понимая, что стремительно краснею, глянула на Альберта. А он мне подмигнул и чуть заметно кивнул, мол, успокойся, все хорошо.

– Ильсара – твоя девушка? – Мастер Шиниас хмыкнула. – В замке Бреннен не приветствуются близкие отношения.

И отошла от меня. А мне как будто и дышать стало легче. Но Альберт…

– У нас это уже давно, – заверил он, – хотя приходилось ездить к ней издалека. Но, наставница Шиниас, я не слышал, чтобы в замке Бреннен на подобные отношения был наложен запрет.

– Запрета нет, все верно, – женщина, казалось, расслабилась, и ее голос потеплел, – но младенцы здесь точно не нужны. Вы, милая моя, посетите лекарскую и попросите снадобье, которое будете принимать каждый день поутру.

Понимая, что уши мои уже почти превратились в раскаленные угли, я покорно кивнула и опустила глаза. Мне показалось, что Габриэль тоже хмыкнула – едва слышно.

– Так, все, – Шиниас хлопнула в ладоши, – давайте приступать к занятию.

Рассказывала она много и очень интересно.

О том, что Долина Сна – это кусок материи, которую отхватил себе жадный дух Сонной немочи и обустроил ее по своему усмотрению, устанавливая правила на все – и даже на то, как там течет время. Сам дух Сонной немочи никому не показывается, но, скорее всего, он может обретать вид старика, морщинистого, противного и с бельмами вместо глаз. Дух жадный, да. Для него сожрать душу сноходца – самое лучшее лакомство. Именно поэтому самые сильные сноходцы должны принимать специальное снадобье, которое не позволяет им видеть сны.

– Потому что Сонная немочь приходит в снах, заманивая душу в Долину.

Говорила она и о том, что души, украденные Сонной немочью, имеют в Долине вполне материальные тела, их можно пощупать. Но вернуть их в наш мир можно

только в том случае, если прошло совсем немного времени с того момента, как душа человека заплутала в Долине. Когда тело превратилось в куколку, уже ничего не сделаешь, само собой.

Она, Гвейла Шиниас, будет нас учить тому, как, имея на руках заснувшее тело – или даже вещь, принадлежащую этому телу, – нащупать душу в безбрежной Долине, чтобы потом пойти за ней и забрать обратно. И для этого мастер проведет много практических занятий, где мы будем тренироваться на предметах, чьи хозяева все-таки сгинули в Долине.

Тут она снова остановилась около моего стула и особо отметила, что лично мне все это будет даваться очень легко.

– Судя по всему, если ты, конечно, не разыграла перед нами представление, благословенный Энне-аш оставил в тебе изрядную часть себя. Ты сможешь чувствовать даже тех, кто ушел далеко, но еще может вернуться. Я буду вас учить, как это делать правильно, чтобы не возникло опасности для вас самих…

Это был интересный урок. Я слушала затаив дыхание, потому что никто и никогда не рассказывал мне столь важные и интересные вещи. Я даже почти забыла о том, что сказал Альберт, в голове засела мысль, что я смогу действительно помогать людям, которых схватила Сонная немочь, что смогу ходить в Долину Сна и приводить их обратно, возвращая к жизни.

А потом Гвейла Шиниас устало произнесла:

– На сегодня – все. Идите. Следующее занятие будет по расписанию.

Но я не удержалась и спросила:

– Мастер Шиниас, а что мы должны чувствовать, когда душа хозяина предмета еще может вернуться?

Женщина усмехнулась.

– А что ты чувствовала, когда держала в руках ту ленточку?

Я помотала головой.

– Я… я видела паутину. Багровую паутину, повсюду.

Мой ответ, казалось, удивил мастера.

– Такого мне еще не рассказывали. Впрочем… – Она окинула меня цепким взором. – Поживем – увидим. Когда человека еще можно вернуть, мы, сноходцы, чувствуем свет.

Вот и пойми, что она хотела этим сказать.

* * *

Стоило только выйти из кабинета, как Альберт решительно подошел ко мне. Внутри все сжалось, я в панике уцепилась за Габриэль. Наверное… Он что-то захочет мне сказать. Но я… готова ли я слушать?

Я обреченно посмотрела в красивое – и такое неправильное частичной неподвижностью лицо молодого мужчины. Надо сказать, неделю назад я бы и не осмелилась вот так, почти на равных смотреть на господина, которому и в подметки не гожусь, но сейчас… он ведь сам объявил… а я и не знаю, что делать, как себя вести.

– Ильсара, – чуть хрипло сказал он, – можно с тобой поговорить?

Можно ли? Наверное… почему спрашивает? Так непривычно, когда твое мнение кого-то интересует…

Но за меня ответила Габриэль.

– Можно. Только если ты потом доведешь ее до двери в нашу комнату. Сейчас, знаешь ли, не лучшее время бродить по замку в одиночестве.

– Конечно, доведу. – Альберт все еще заглядывал мне в лицо, как будто опасался отказа.

Но я… разве я могу отказывать? Тем более просто поговорить.

Не готова я к этому разговору, но что поделаешь.

Кивнув, я разжала пальцы, выпуская локоть Габриэль, потом, опомнившись, обернулась:

– А ты? Как же ты?

– Меня проводит Тибриус, – с ледяным спокойствием объявила Габи. – Так ведь, Тибриус ар Мориш?

Брюнет пожал плечами.

– Отчего нет? Идемте, Габриэль.

Они ушли, и мы с Альбертом остались одни в широком коридоре, в вязкой и неприятной тишине, которую нарушало лишь потрескивание факелов в подставках у стен.

– Ильсара, – он чуть наклонился ко мне, – пойдем на замковую стену? Там спокойно, можно поболтать без свидетелей.

– Хорошо, – сказала я, – пойдем.

Альберт на удивление, хорошо ориентировался во всех хитросплетениях коридоров и лестниц, и вскоре мы оказались там, куда и хотели попасть. День был ясный, жаркое солнце лохматым клубком белого огня палило в небе, но здесь, на широкой стене, с моря дул свежий ветер. И пахло, на удивление, вовсе не солью или рыбой, а легкой, едва ощутимой сладостью, от которой приятно защекотало в груди и захотелось по небу добраться до самого горизонта, туда, где синие воды смыкаются с легкой сиреневой дымкой.

Живя в полудне езды от моря, смешно сказать, я никогда его не видела. Меня никогда никуда не брали с собой. Только слышала о том, что море – есть. А тут вдруг, стоя на замковой стене, с размаху окунулась в эту безбрежную синь,

вблизи украшенную гребешками белой пены. Мне в самом деле захотелось раскинуть руки, и чтобы свежие порывы ветра подхватили меня, понесли над волнами, а я бы ловила соленые брызги и смеялась от радости и одуряющего ощущения свободы…

– Нравится? – Голос Альберта над ухом вернул меня на землю.

Я резко повернулась к нему, одновременно пятясь, восстанавливая дистанцию. В моих глазах он по-прежнему оставался высокородным господином, аристократом, и я недоумевала, почему он поступил так, как поступил.

– Ильса…

Я сглотнула. Нет, невозможно вот так, молчать.

– Зачем ты сказал, что мы… ну…

– Что ты – моя девушка? – На ярком свету его глаза были темно-карими, как тот кофе, которым меня угощал Клайс. – Да, наверное, мне стоит объясниться. Пойдем.

Мы пошли по стене. Альберт не делал попыток ни обнять, ни взять за руку, что меня радовало. Мне… было так неловко смотреть на него, и потому я смотрела на море.

– Ты хорошая девушка, Ильса, – проговорил Альберт. – Я подумал, что тебе ни к чему лишние враги. И без того Тибриус на тебя зуб точит.

– Кому я помешала? – Мне сделалось горько.

– Я тут поспрашивал старших учеников, – голос Альберта стал звучать совсем тихо. – Видишь ли, да, у мастера Клайса, похоже, и впрямь была интрижка с убитой. А до этой девушки он… тоже имел некоторые отношения… угадай, с кем?

– Не знаю, – простодушно ответила я, все еще любуясь раскинувшимся внизу морем.

– С мастером Шиниас, – весело ответил Альберт.

– Что?!!

Тут я не выдержала и все же уставилась огорошенно на Альберта, а он весело рассмеялся.

– Какая ты неиспорченная, Ильса. Это надо срочно исправлять. Удивляешься таким простым вещам… Ну, казалось бы, что такого, что Гвейла Шиниас была любовницей Клайса? Но нет же, для тебя это просто небывалое событие! Да у вас там, в деревне, что, никто ни к кому не ходил на ночь?

Я только губу прикусила. Нет, ничего такого не припомню. А может быть, просто не замечала за всеми этими свиньями, коровой и грядками.

И тут меня осенило.

– Альберт, – тихо спросила я, – так ты это специально сказал, чтобы мастер Шиниас не подумала, будто бы я… и Клайс… Ну, что я, возможно, специально обратила на себя внимание главы замка?

– Ты просто гений, Ильса. – Он криво улыбался.

А я вновь подумала: отчего у него такое странное и перекошенное лицо? Хотелось спросить, но сдержалась. Наверное, Альберту неприятно говорить об этом.

– Так, может, это она и убила девушку? – пробормотала я и сама испугалась того, что произнесла.

Улыбка медленно сползла с лица Альберта, он пятерней смахнул упавшие на глаза соломенные волосы.

– Я не знаю. Именно поэтому, Ильса, я и сказал то, что сказал. Ты мне ничем не обязана, понимаешь?

– Я уже обязана – хотя бы оттого, что ты защищаешь безродную крестьянку.

– Нет, не надо так ни думать, ни говорить, – теперь Альберт был очень серьезен, – если хорошим людям не помогать, их совсем не останется.

– Но я вряд ли смогу помочь тебе в ответ, – вздохнула я.

– Я не очень хороший человек, Ильса. Мне помогать необязательно, поверь.

Потом мы еще некоторое время погуляли по стене, любуясь белыми баранчиками на волнах, нежно-голубым, разморенным на солнце небом. Далеко виднелись паруса, ближе – черные щепки рыбацких лодок, а мы все бродили и бродили, болтая о всяких пустяках, и это было так странно, что я, не обученная грамоте, вот так запросто разговариваю с благородным господином… Но Альберт умел спрашивать о том, о чем я могла рассказать. О чем? О том, как прорастает пшеница, и о том, какими красивыми бывают цветки мальвы, и о том, какие лечебные травы можно собрать, когда болит горло, и даже о том, как правильно готовить говядину в горшочке, чтобы она была мягкой и ароматной. Под конец я даже почти забыла, какая между нами пропасть, и смеялась его шуткам – а они в самом деле были забавными. Но потом Альберт вспомнил, что скоро обед, а перед этим ему нужно сделать кое-какие дела… В общем, он, как самый настоящий галантный кавалер, предложил мне руку и повел вниз, в женское крыло.

А я так и не спросила, что же он делал вечером в том крыле замка, где мы встретились, и почему был одет так, чтоб его не было видно в темноте…

* * *

На обед давали прекрасный гороховый суп с копчеными ребрышками и ароматный ситный хлеб. К слову, Габриэль изголодалась за первую половину дня, так что Аделаиде, которая намеренно подсела к нам поближе, ничего не досталось. Но она все равно развлекала нас сплетнями, а из них я почерпнула нечто новое и полезное, о чем нам пока не торопились рассказывать. Оказывается, куколка того сноходца, бывшего владельца замка, находится на нижних уровнях замковых подвалов. Аделаида, страшно округлив глаза и не забывая работать ложкой, расписывала каменный гроб, где и находится то, что

осталось от мужчины. Правда, выяснилось, что это не сама она видела, а девочки рассказывали. Что, мол, даже превратившись в пустую куколку, этот несчастный очень красив и что если подойти ближе, то можно увидеть, как по щекам его текут слезы.

– Стоп, – сказала тут Габриэль, – я никогда не слышала, чтоб куколки плакали. Они же высыхают, и внутри пустые.

– Его душу держит в плену Урм-аш, проклятый дух Сонной немочи, – без тени сомнения уверила Аделаида. – Его еще можно спасти.

– Прямо спящий принц какой-то. – Габриэль усмехнулась, но было заметно, что она задумалась.

А мне показалось, что все, рассказанное Аделаидой, – сущие выдумки, и эти байки о том, что глубоко в подвалах спрятан каменный гроб с куколкой, – из числа страшных историй, которые иногда рассказывают в ночь Всех. Если бы здесь и нашли куколку того несчастного, вряд ли бы ее оставили где-то под фундаментом. Наверное, просто предали бы огню, ведь куколка – это не более чем пустые останки, покинутые душой уже навсегда.

После обеда нам было выделено время на стирку и уборку. Габриэль, конечно, повздыхала над нижними сорочками, но мужественно прополоскала их в тазу. А я… я сперва думала, не предложить ли ей свою помощь, но потом решила, что все-таки не хочу быть вечной прачкой. Впрочем, мы все это делали, весело болтая, и стало понятно, что Габриэль от меня ничего такого и не ждала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shtern_oliviya/knyaz-moih-zapretnyh-snov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить